
П. П. ПОТЕМКИНЪ
ГЕРАНЬ

Сатириконъ

Типографія журнала „Сатириконъ“
М. Г. Корнфельда, СПб., Бассейная, 3—5.

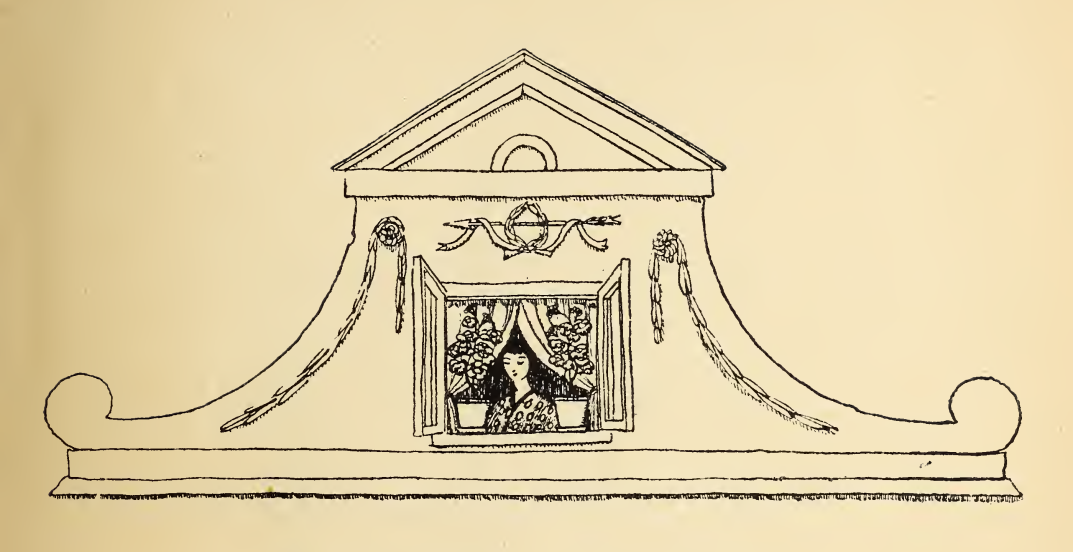
П. ПОТЕМКИНЪ.

ГЕРАНЬ.

КНИГА СТИХОВЪ.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912.

ЖЕНѢ ЖЕ́НѢ.

ЖЕНИНА ГЕРАНЬ.

КОЛОМБИНИНА МАНСАРДА.

Не скрывайте, вы бывали
Въ новомъ домѣ на каналѣ?
Если были—очень жаль.
Ну, а если не бывали,
Не ходите—нѣтъ печали,
Такъ придетъ еще печаль.
Въ этомъ домѣ, всѣмъ извѣстно,
Ну, совсѣмъ не интересно,
Домъ, обыкновенный домъ.
Стѣны сѣры тамъ и хмуры,
Ни чудесъ архитектуры,
Ни искусства нѣту въ немъ.
Если-жъ все-же вы пойдете
И на верхнемъ поворотѣ
Темной лѣстницы, въ углу,
Повстрѣчаете дѣвицу,
Разодѣтую въ куницу,
Не давайтесь въ руки злу.

Вы за нею не ходите,
Въ дверь квартиры не стучите
И не дергайте звонка.
Если-бъ даже вамъ открыли,
Не давайте черной Милѣ
Вы на чай четвертака!
А, какъ слѣдуетъ, ругните,
Что-бы не имѣла прыти
Незнакомымъ отворять,
Ибо я сейчасъ открою
То, что, вѣдаясь со мною,
Вы не смѣете не знать.
Въ этомъ домѣ на каналѣ,
Гдѣ еще вы не бывали,
(А бывали—очень жаль)
Есть мансарда Коломбины.
Это поводъ и причины
Вамъ не вѣскіе едва-ль!
Если-жъ вамъ они не вѣски—
То давайте будемъ рѣзки,
Вы готовы?—Я готовъ.
Коломбина мнѣ невѣста!
Назначайте часъ и мѣсто!
На смерть! На восемь шаговъ!

ЧЕРНАЯ МОЛЛИ.

Изъ мужскихъ именъ на свѣтѣ,
Мнѣ противнѣй всѣхъ Андрей,
Звукъ его удара плети
И больнѣе и острѣй.
Отчего-же эта злоба?
Отчего его кляну?
Влюблены, мы оба, оба,
Влюблены, увы, въ одну!
Онъ блондинъ голубоглазый,
Я шатенъ и взоръ мой карь,
Онъ ей даритъ розы, вазы,
Я—домашній инвентарь.
Онъ одѣтъ всегда въ визитку,
Я—въ потертый пиджачекъ,
Онъ въ ней видитъ кармелитку,
Я—полуденный цвѣтокъ.

Онъ постарше, я моложе,
Онъ актеръ, а я поэтъ,
Мы совсѣмъ съ нимъ не похожи,—
Въ насъ ни капли сходства нѣтъ.
Но краса лѣсовъ бананныхъ,—
Молли—съ полночью въ крови,
Насъ связала, дальнихъ, странныхъ,
Бѣлой ниткою любви.
И теперь, какъ будто, въ общемъ,
Мы съ Андреемъ и друзья—
Вмѣстѣ любимъ, вмѣстѣ ропщемъ,
Но... хитрю, лукавлю я.
Говорю, что безнадежно
Въ Молли черную влюбленъ.
И развѣсивъ уши нѣжно,
Вѣритъ, вѣритъ, вѣритъ онъ...
А, на самомъ дѣлѣ, Молли,
Ужъ давно мила со мной
И моей по доброй волѣ
Согласилась стать женой.
Отчего-жъ успѣхи эти?
Отчего я ей милѣй?
Оттого, что имя Пети
Ей пріятнѣй, чѣмъ Андрей.

ДА ИЛИ НѢТЪ.

Тетка моя Варвара
Выпивала полъ самовара,
А дядя Уваръ—
Самоваръ.
Пили они, какъ утки,
Круглыя сутки,
Зимою и лѣтомъ,
И были умны при этомъ,
А знакомый мнѣ критикъ,
Знатокъ всѣхъ піитикъ,
Писалъ такъ много
Объ исканіяхъ бога,
О символизмѣ,
Объ эмпиризмѣ,
Объ Андреевѣ и вѣчности,
О Брюсовѣ въ безконечности,

О миѳотворчествѣ Нитцче,
Чѣмъ больше, тѣмъ прытче,
Былъ признанъ всѣмъ свѣтомъ—
И былъ глупъ при этомъ.
Отчего одни глупѣе,
А другіе умнѣе?
Я тоже пью много чаю
И статьи иногда помѣщаю,
По разнымъ газетамъ,
Но уменъ или глупъ при этомъ,
Ей-ей, не знаю.
Изъ этихъ двухъ положеній
Въ теченіе года
Искалъ я исхода,
Пока не встрѣтился съ Женей,
Не терпѣвшей никакихъ положеній
И возраженій.
Она мнѣ все объяснила,
Такъ просто и мило...
Сперва меня обласкала,
А потомъ сказала:—
«Ты меня любишь, Петя,
Значитъ, ты самый умный на свѣтѣ,
А если-бъ ты не любилъ меня—
Ты былъ-бы глупѣе любого пня».
И я вполнѣ согласенъ съ Женей
Въ разрѣшеніи моихъ сомнѣній.

ДВѢ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ.

Славный, свѣтлый, зимній день,
Пахнетъ солнцемъ и морозомъ.
Черный пудель, словно тѣнь,
Проскользнулъ за водовозомъ.
Вдругъ, откинувъ ухо, сталъ,
Посмотрѣлъ на комъ зеленый,
Гдѣ, не знаю что, клевалъ
Воробей, въ ѣду влюбленный.
И, прельстившись воробьемъ,
Подобрался, подтянулся,
Пулей кинулся на комъ
И, конечно, промахнулся.
Огорченный свыше мѣръ,
Началъ думать о причинѣ.
Мимошедшій фокстерьеръ
Обозвалъ его разиней.

Пудель вспыхнулъ: самъ дуракъ!
Фокстерьеръ оскалилъ зубы,
И отъ злости у собакъ
Мѣхомъ вывернулись шубы.
Быть-бы дракѣ, но барбосъ
Рявкнулъ: это что такое!
И, лизнувъ другъ друга въ носъ,
Разошлись они безъ боя.
Я смотрѣлъ на нихъ въ окно
И рѣшилъ умомъ убогимъ:
Хорошо, что суждено
Быть барбосу очень строгимъ
Ну, а если-бъ, напримѣръ,
Въ этотъ мигъ гулялъ я съ Женей,
И взбѣшенный фокстерьеръ
Не расчелъ своихъ движенiй
И отгрызъ-бы, дикъ и золъ,
(Если-бъ не было барбоса)
Жéнѣ бархатный подолъ,
Ну, а мнѣ, хоть кончикъ носа.
Сколько-бъ было стоновъ, слезъ,
Сколько ругани и грома!..
Хорошо, что есть барбосъ,
И что я и Женя дома.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ПОСЛѢ БАЛА.

Что можетъ быть невыносимѣй
Ревнивца мужа въ бѣломъ гриммѣ.

Какъ разувѣрить чудака,
Что не годится волноваться,
Что пудра на его щекахъ
Всѣхъ заставляетъ улыбаться.

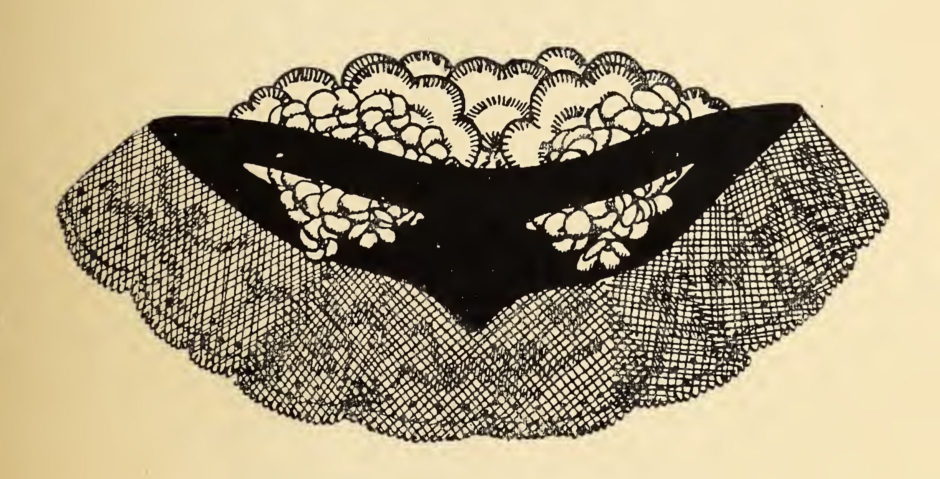
Какъ не пойметъ, что сколько шуму
Затѣялъ онъ не по костюму.

Ужъ если влѣзъ въ костюмъ Пьеро,
Такъ будь же мужемъ Коломбины!
Дай обмануть себя, а то...
Что станутъ дѣлать Арлекины?

ОШИБКА.

Когда я съ ней заговорилъ,
Она стояла на площадкѣ,
Сжимая поручни перилъ
Рукой въ коричневой перчаткѣ.
    Кичилось солнце не спроста
    На ярко-синемъ небосклонѣ—
    Была такая духота!
    И мѣста не было въ вагонѣ.
Я вышелъ. Отогнулъ поля
Уже поношенной панамы,
И, взоръ надеждой окрыля,
Уставился на шляпку дамы.
    О, шляпка милая! Какъ ты
    Напоминаешь шляпку Жени,
    Какъ много рѣдкой красоты
    Въ твоемъ простомъ муслинделенѣ!

И черный капюшонъ манто
Съ двумя бубенчиками... Боже!
Пускай манто совсѣмъ не то—
Но какъ оно на то похоже!
А этотъ милый гибкій станъ!
(Она спиной ко мнѣ стояла)...
Восторгомъ томнымъ обуянъ,
Я сталъ похожимъ на нахала.
И мудрено-ли, что рукой
Коснулся милой мнѣ перчатки:
«О, Женичка, какой судьбой,
Ты здѣсь, со мною, на площадкѣ»?
И вдругъ на ласковый привѣтъ
Услышалъ ухомъ сиротливымъ
Такой обыденный отвѣтъ:
— Мужчина, угостите пивомъ!

ГЕРАНЬ СТЫДЛИВАЯ.

* * *

Качайся, плавкая волна,
На солнцѣ золотись!
Пришла далекая весна,
И снова въ синь ея руна
Глаза мои впились.

Я знаю снова кудри липъ,
Я снова вижу даль,
Но боленъ каждый мой изгибъ,
Какъ будто я навѣкъ погибъ,
Найдя свою печаль.

Нѣтъ! Вѣрю, жребій недалекъ.
Придетъ ко мнѣ слѣпымъ,
Ко мнѣ заглянетъ въ уголокъ
И кинетъ радостный вѣнокъ,
Чтобъ вновь я сталъ живымъ.

* * *

Я люблю и пою про весну, про весну,
Я тону и иду въ глубину, въ синеву.
Пусть иду я ко дну, но люблю я одну,
Ту, мою—лишь засну, не мою—на яву.

Увлекай, увѣряй, расцвѣтай, милый Май,
Милый обликъ не мой, и она не моя!
Лишь во снѣ я весной, лишь во снѣ край мой—
рай,
Лишь во снѣ вижу я поцѣлуевъ роя!

Я люблю и пою про весну, про весну,
Я тону и иду въ глубину, въ синеву,
Пусть иду я ко дну, но люблю я одну,
Ту, мою—лишь засну, не мою—на яву.

МАЙСКАЯ ВСТРѢЧА.

I.

Стукъ пролетки мягокъ, сладокъ,
На вуали много складокъ.
Вѣтеръ вьется, вьетъ вуаль...
Вѣтеръ, ты лица не жаль,
Улетай въ лѣсную таль!

За пролеткой лаетъ звонко
Лаетъ тонко собаченка.
Собаченка—громче лай,
Наше счастье догоняй,
Говори, что близокъ Май!

2.

Вотъ пришла въ зеленой шляпкѣ,
Принесла весны въ охапкѣ—
Звонко-синяго стекла.
Смѣхомъ вдругъ стекло разбилось,
Покатилось
И запрыгало осколками,
Серебристыми, колкими—
Смѣется
Весенняя,
Голубая...
А потомъ все пропало,
Томно стало—
Устала.
И увѣрила пепельнымъ взглядомъ,
Шевельнула портьерой.
И ушла, прошелестѣвъ нарядомъ—
Синей юбкой и вуалью коричневосѣрой.
До свиданья!

3.

Гранитъ, усыпанный пескомъ,
Хруститъ подъ ковкими шагами.
Еще съ тобой я не знакомъ,
Ты, предугаданная снами.
Но въ этотъ вечеръ не далекъ
Волшебный міръ моихъ разгадокъ,
И мнѣ понятнѣе намекъ
Твоихъ забывшихъ тѣло складокъ.
Я вѣрю, ты придешь не той,
Какой сегодня приходила,
Но превратитъ-ли холодъ въ зной
Твоя улыбчивая сила?
И дастъ ли омутъ сѣрыхъ глазъ
Прохладу вѣтренной надеждѣ,
Иль ты придешь и въ этотъ разъ
Такой, какъ прежде?

4.

Отъ нихъ возвращаясь, мы вмѣстѣ идемъ.
Лѣстница мягкимъ покрыта ковромъ.

Тонетъ твой шагъ въ нежилой пустотѣ.
Кажется, нѣтъ никого въ темнотѣ;

Кажется, въ воздухѣ постланъ коверъ.
Страшно, не знаю, со мной ли твой взоръ?

Спичка на мигъ освѣтитъ лицо...
Ахъ, если-бъ дальше ушло крыльцо,

Ахъ, еслибъ не было близкихъ дверей,
Если-бъ швейцаръ не нашелъ ключей!

5.

Кто разсыпалъ лепестки
Розъ?
Кто мнѣ далъ трепетъ руки
У рѣки
Въ часъ, когда куполъ солнца росъ?

Кто мнѣ сплелъ твои вѣнки
Глазъ?
Кто далъ видѣть пудру щеки
У рѣки
Въ часъ, когда даль была—топазъ?

Кто мнѣ влилъ восторгъ тоски
Въ кровь?
Кто мнѣ сжалъ сердце въ тиски
У рѣки?
Знаю, знаю, ты—Любовь!

Въ вагонѣ.

Осенній день притихъ, поникъ,
И день и солнце скрылись разомъ.
Ну, что-жъ, засвѣтитъ проводникъ—
Стеклянный шаръ кичливымъ газомъ.

Твой зонтикъ снова зацвѣтетъ
Зеленымъ, яркимъ, зыбкимъ шелкомъ,
И струйка свѣта упадетъ
На насъ, сидящихъ тихомолкомъ.

Чернѣй и уже станетъ бровь,
Рѣсницы стиснутся до боли,
И сердцу новая любовь
Подскажетъ слово новой роли.

* * *

Невольница сѣрыхъ и сѣверныхъ дней,
Она позабыла про радость огней,
Лишь млечное небо было надъ ней.
Ночью, когда застывала рѣка,
Раму окна открывала рука.
Бѣлая ночь становилась близка.
Мечтала о черныхъ, какъ очи, ночахъ,
Мечтала о бѣлыхъ, какъ тѣло, плечахъ,
Мечтала о сладкихъ, какъ ласка, рѣчахъ.
Дѣлалась бѣлая ночь горячѣй,
Окна мансарды цвѣли розовѣй,
Падали слезы на землю крупнѣй.

СОНЕТЪ.

Что можетъ быть грустнѣй больной дѣвицы?
Въ ея окошкѣ радужный налетъ,
Но сердцу дѣвичьему не сплететъ
Онъ радужной волшебной небылицы.

А тамъ, за краемъ красной черепицы,
За желобомъ, гдѣ таетъ грязный ледъ,
Весенній вихрь въ окошко къ ней несетъ
Вечерній гамъ, тревожный трескъ столицы.

Весь день одна... Теперь пойти бы въ садъ...
Онъ тамъ съ другой, другой даритъ цвѣточки!
А тутъ сиди, смотри въ слѣпой закатъ,
Прикладывай компрессы да примочки...

О, сердце бѣдное! Тебѣ его не жаль,
Внизу, подъ поломъ стонущій рояль?

ДВОЙНИКЪ.

Я шелъ по этой сторонѣ,
А ты по той;
И ты слегка кивнула мнѣ
Задорной головой.
Цвѣли весенніе лучи—
Небесные цвѣтки,
И были лужи горячи
И широки.
Ихъ позабыла здѣсь зима,
И въ нихъ, какъ въ зеркала,
Глядѣлись кровли и дома,
И купола.
Надвинувъ крышу на бекрень,
И нашъ глядѣлся домъ,
А наша улица весь день
Горѣла серебромъ.

Дороги не было; была
Вездѣ одна вода.
Ты шла на музыку мила,
Какъ и всегда.
Твое кичливое эспри
Слегка торчало вбокъ,
Румянилъ первый лучъ зари
Округлость щекъ.
Ты шла, а въ лужѣ вдругъ возникъ,
Укравъ твои черты,
И шелъ съ тобою, твой двойникъ—
Другая ты.
И такъ вы шли къ ступнѣ ступня—
Два странныхъ близнеца...
Прошли, взглянули на меня,
На тѣнь крыльца...
И мимо оконъ и домовъ—
Все тѣхъ-же тутъ и тамъ,
Пошли, ввѣряя стукъ шаговъ
Гнилымъ мосткамъ.
Но страшно было видѣть мнѣ
Тебя внизъ головой...
Я шелъ по этой сторонѣ,
А ты по той.

СѢВЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Вездѣ весна ужъ постарѣла
И стала лѣтомъ золотымъ,
Лишь къ намъ, убогимъ, залетѣла
Она дней десять съ небольшимъ.
Еще журчатъ снѣга въ ложбинахъ,
И ветлы голы надъ рѣкой,
Еще свирѣлей комариныхъ
Не слышетъ ухо день-деньской,
А Духовъ день благой, единый,
Ужъ наступилъ и освятилъ
Поля, пригорки и низины
И свѣтлой радостью обвилъ.
Полузабытый дальнимъ югомъ,
У ледовитыхъ береговъ
Нашъ монастырь одинъ надъ лугомъ
Сіяетъ золотомъ крестовъ.

Къ намъ только странники заходятъ,
Такіе-жъ тихіе, какъ мы,
И снами набожно проводятъ
Дни умиранія зимы.
Настанетъ лѣто. Снова будемъ
Одни съ молитвою своей,
Ненужные далекимъ людямъ,
Въ покоѣ сѣверныхъ полей.

ЭЛЕГІЯ.

Когда Кореліи далекой
Я вспомню бурыя озера,
Гдѣ—далека людского взора—
Вдвоемъ съ шуршащею осокой
Царитъ купава и, вольна,
Глядится въ озеро сосна,
Гдѣ сѣрый мохъ, обнявши скалы,
Напрасно грѣетъ камень хладный
И гдѣ закатъ, скупой и жадный,
Жалѣетъ бросить саванъ алый,
Блеснуть рубиновымъ огнемъ
На міръ, убитый знойнымъ днемъ,—
Меня, забывшаго навѣки
Туда дорогу, манитъ снова
Покинуть сонъ родного крова,
Увидѣть вздыбленныя рѣки,
Услышать ревъ и визгъ и плачъ
Твои—сѣдой колдунъ Кивачъ.

TOTENTANZ.

Обвела луну туманнымъ
Мглистымъ кругомъ злая ночь.
По березамъ златотканнымъ
Любо ерзать ураганамъ
По засохшимъ бурымъ травамъ,
Листья ворохомъ волочь.
Воетъ голосомъ гнусавымъ,
Воетъ осень, волчья дочь.
Не сиди ты, воронъ лютый,
На могилѣ на моей!
Не удержишь, сброшу путы,
Полночь близко... згинь во мглу ты!
Напружу, натужу плечи,
Взрою землю, вѣтеръ вѣй!
Взвихрюсь вихремъ, и далече
Разнесется лязгъ костей.

КОМНАТА.

I.

ЛАМПА.

Лишь только вечеръ начался,
Стою я на столѣ,
Огонь и щуря, и кося
Въ невымытомъ стеклѣ.

Широкополый абажуръ
Мнѣ болѣе къ лицу,
Иначе свѣтъ мой слишкомъ хмуръ
Вечернему чтецу.

Стою и буду вѣкъ стоять
Стою, какъ повелось,
Но какъ мнѣ скучно освѣщать
Всегда одну и ту-же прядь
Сѣдѣющихъ волосъ.

2.

КИТАЙСКІЙ БОЛВАНЧИКЪ.

На каминѣ, на карнизѣ,
Я стою, пугливъ и дикъ,
И фарфоровой маркизѣ
Все кажу, кажу языкъ.
Голова моя качается, качается, качается,
И языкъ фарфоровый извивается.
Ставъ въ насмѣшливую позу,
Отъ меня невдалекѣ
Стережетъ маркиза розу
Въ нарумяненной рукѣ.
Только день пробыть спокойнымъ,
Головою не качать,
И маркиза сердцемъ знойнымъ
Будетъ мнѣ принадлежать.
Голова моя качается, качается, качается,
И языкъ фарфоровый извивается.

О, хозяева, тираны,
Сжальтесь, сжальтесь надо мной!
Не касайтесь свѣжей раны
Легкомысленной рукой!
Я смѣшенъ своей маркизѣ!
О, маркиза, не кляни,
Каждый день въ слѣпомъ капризѣ
Кокъ мой дергаютъ они!
    Голова моя качается, качается, качается,
    И языкъ фарфоровый извивается.

3·

ПОРТРЕТЪ КРАСАВИЦЫ ТЕТКИ.

Мнѣ не очень нравится
На дагеротипѣ:
Я была красавица,
А теперь вся въ сыпи.
 Мухами засижена,
 Точно въ оспѣ черной,
 Я живу обижена
 Жизнію упорной.
Но, увы, изъ плюшевой
Рамки нѣтъ исхода.
Знай, сиди, выслушивай
Колкости урода.
 А уродъ—племянница—
 Тетку ненавидитъ,
 Все-то къ рамкѣ тянется—
 Сниметъ и обидитъ.

Застрекочетъ колкою
Рѣчью стрекоза,
Выколетъ иголкою
Въ пятый разъ глаза.
Разольется хохотомъ,
Радостью спѣсивой:
«Что, старушка, плохо тамъ
Въ рамкѣ быть красивой!»
Долго-ль ей забавиться?!
Чѣмъ я виновата,
Что была красавица,
А она горбата?

4.

ОБОЙНЫЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

Я, розовый цвѣточекъ
Дешевенькихъ обоевъ,
Живу на фонѣ почекъ
И листиковъ левкоевъ.
Чертой крутой на славу
Мой контуръ обрисованъ,
Какъ будто я въ оправу,
Что рѣдкій Шерлъ, закованъ.
О, я ревнивъ, люблю я,
Что-бъ на меня смотрѣли
И, если взглядъ, минуя,
Къ иной стремится цѣли,
Я, какъ огонь, краснѣю
И, чувствуя измѣну,
На зло, на зло злодѣю
Бѣльмомъ ложусь на стѣну.

Тогда ужъ не посмѣютъ
Измѣнчивые взоры
Смотрѣть, какъ тихо тлѣютъ
Закатныхъ тучъ узоры,
Какъ ласковы, какъ сини
Глаза любимой Тони,
Какъ много тонкихъ линiй
На ласковой ладони.
Не дамъ ему упиться
Ни лаской, ни любовью,
А будетъ спать ложиться—
Приникну къ изголовью.
Въ мозгу зажгусь пожаромъ,
Въ одно всѣ мысли скучу,
И тягостнымъ кошмаромъ
Безсоннаго измучу.
Пока въ конецъ измаянъ,
Измученъ въ зломъ застѣнкѣ,
Не оборветъ хозяинъ
Меня съ родимой стѣнки.

ГЕРАНЬ МИШУРНАЯ.

МАСКАРАДЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Сегодня я не знаю сна,
Мнѣ муза рѣдкая вѣрна.

Разсказъ пристрастный и несвязный,
Осколки сновъ, гдѣ быль и бредъ
Сплелись въ клубокъ разнообразный,
Тебѣ несу за твой привѣтъ.
Отмѣть его улыбкой феи,
Въ немъ ни ища безсмертныхъ словъ,—
Цвѣтутъ-же блѣдныя лилеи,
Едва-ль за смертность лепестковъ
Винить ихъ станутъ фарисеи.
Откинь-же строгость, мнѣ внемли
И злой насмѣшкой не коли.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Какъ начало безъ развязки,
Какъ предчувствіе потери,
Одиночество страшно.
Отворилъ я настежь двери,—
Приходите въ гости маски,
Будь, что было суждено!
Заслоните стѣны залы
Пестрымъ, праздничнымъ кольцомъ,—
Угощу васъ тихоструйнымъ
Сладко льющимся въ бокалы,
Сердце грѣющимъ виномъ.

I.

АРЛЕКИНЪ И НЕГРИТЯНКА.

Ахъ, доколѣ,
Словно шахматное поле,
Пестрый, Арлекинъ,
Будешь ты бродить одинъ.
Или ты, какъ левъ на волѣ,
Златогривый властелинъ,
Позабылъ свою супругу
Львицу львицъ
И, подверженныхъ испугу,
Зазѣвавшихся дѣвицъ
Стережешь, припавши ницъ?
Такъ и есть! Смотрите, маски!
Негритянкѣ Арлекинъ
Безъ опаски слово ласки
Шепчетъ у картинъ.

Негритянка, ты въ смущеньи,—
Арлекиновъ рыжій усъ,
Словно преданный зулусъ,
Говоритъ о наслажденьи.
Вся свернулась ты въ клубокъ
И забилась въ уголокъ.
На подолѣ,
Освѣщенъ блестящей люстрой,
Загорѣлся твой рубинъ.
Ахъ, чего добьется шустрый,
Словно шахматное поле,
Пестрый Арлекинъ!

2.

САНОВНИКЪ И ВЕСЕЛАЯ ДѢВИЦА.

Какъ все у Веселой Дѣвицы
Нарядно, яркó и пестрó.
Въ прическѣ невиданной птицы
Неслыханной масти перо,
Крученое,
Зеленое.
„Сановникъ беззубый и лысый,
„Не бойся, я вовсе не зла!
„Я даже съ церковною крысой
„Намедни знакомство свела—
„Съ бѣдненькимъ
„Проповѣдникомъ.
„Съ тобой-же за новую брошку
„Я цѣлую ночь проведу!

„Иди-же ко мнѣ понемножку,
„Не бойся испечься въ аду.
„Сановникамъ
„Легко и тамъ.
Сановникъ, исполненный страсти,
Подкрался къ Дѣвицѣ хитро—
Цѣлуетъ неслыханной масти
Невиданной птицы перо—
Манитъ его
Грудь открытая.
И вдругъ въ безотчетной затѣѣ,
Взъяренный сверканіемъ бусъ,
Онъ бѣлой напудренной шеѣ
Наноситъ свирѣпый укусъ.
И въ ужасѣ
Отвернулись всѣ.
Въ прическѣ невиданной птицы
Неслыханной масти перо,
Все, все у Веселой Дѣвицы,
Что было ярко и пестро
Разрушено—
Раскушено.

3·

ПАША И КАРМЕНЪ.

Вывелъ много крѣпкихъ стѣнъ мой Паша,
Не боится злыхъ измѣнъ мой Паша.
Триста сорокъ юныхъ женъ, добрый мужъ,
Заключилъ въ отрадный плѣнъ мой Паша.
Много денегъ и камней у него,
Не боится крупныхъ цѣнъ мой Паша.
Все же ноша томныхъ ласкъ тяжела
Для твоихъ худыхъ раменъ, мой Паша!
Ты пріѣхалъ къ намъ любить, ты сидишь
На колѣняхъ у Карменъ, мой Паша,
Но, смотри, ты весь огонь, а она
Громко шепчетъ: «Старый хрѣнъ, мой Паша».

4.

АПАШЪ И АКТРИСА.

Татуированъ нескромно
Черным словомъ: mort aux vache,
Подошелъ къ Актрисѣ томной
Необузданный Апашъ.
Словно вешній цвѣтъ жасмина,
И красива и нѣжна
На диванѣ у камина
Въ бѣломъ кружевѣ она.
И Апашъ на полъ паркетный
У колѣнъ ея присѣлъ.
Что ему цвѣтокъ запретный?
Онъ нахаленъ грубъ и смѣлъ!
Понапрасну, возмущенный,
Зритель смотришь ты въ упоръ,
Объяснитъ Апашъ польщенный
Злобной завистью твой взоръ.

Коль Апашъ любовью занятъ,
Ты къ нему не подходи,
А не то какъ разъ застрянетъ
Острый ножъ въ твоей груди.
«Отъ любви его злодѣйской»—
(Вѣрь, иного нѣтъ пути)
Можетъ только полицейскій,
Ахъ, свистокъ ее спасти.

5.

ПАЖЪ И ГРАФИНЯ.

Послушный Пажъ своей Графинѣ
Носить весь вечеръ долженъ шлейфъ.
Къ лицу ль ему жеманный кейфъ
И разсужденья о мущинѣ?
Но Пажъ коричневый забылъ
Про Госпожу, плѣненъ диваномъ,
Кейфуетъ онъ съ дороднымъ Паномъ
И разговоръ ихъ простъ и милъ.
Я понялъ все: Графиня ясно
Ревнуетъ пухлаго Пажа.
«Графиня!—честью дорожа,
Скажу: «Повѣрьте, все напрасно!
Не очаруетъ Пана Пажъ,
А Панъ Пажу совсѣмъ не страшенъ,
И въ знакъ любви цвѣткомъ украшенъ
Навѣрно будетъ вашъ корсажъ.

Хотя, кто знаетъ, въ маскарадѣ
Бываетъ все наоборотъ,
А бурнопламенный Эротъ
Всегда сидитъ въ своей засадѣ.

6.

ИНДЮКЪ И ЯПОНЕЦЪ.

Кто съ почтеннымъ Индюкомъ
Не знакомъ?
Онъ немного красенъ,
Но зато прекрасенъ!
Весь онъ жмется, весь онъ гнется,
Носъ коралловый трясется,
И невиданнымъ фасонцемъ
Вмѣстѣ съ преданнымъ Японцемъ
Бродитъ онъ по залу
И курлыкаетъ
И мурлыкаетъ
До отвалу.
А Японецъ, сухъ и прямъ,
Зазываетъ разныхъ дамъ:
«Эй, дѣвицы, эй, старушки,
И красотки и дурнушки,

У кого рука легка,
Поцѣлуйте Индюка!
Мой Индюкъ на все готовъ,
Мой Индюкъ безъ усовъ!»
Но нейдутъ на этотъ зовъ
Ни дѣвицы, ни старушки—
Вѣрно страшно имъ индюшки.

7.

ФИЛОСОФЪ И РАБЫНЯ.

Плѣнилъ меня не темный плодъ
Отцвѣтшей въ первый разъ маслины,
Въ пирахъ покою не даетъ
Мнѣ темный профиль Еффрозины.
Пусть въ Эфіопіи она
Рабыней варваркой родилась,
Пусть утомленная волна
Моихъ волосъ посеребрилась,
Но развѣ мѣди съ серебромъ
Не льетъ ваятель въ общій слитокъ?
Но развѣ смѣсь воды съ виномъ
Не благороднѣйшій напитокъ?

8.

БАНДИТЪ И ДВѢ ГИШПАНКИ.

(Басня).

Одинъ Бандитъ,
Свирѣпъ на видъ,
Въ душѣ-жъ бѣлѣй бѣлянокъ,
Увидѣлъ двухъ Гишпанокъ.
Любовью пламенной согрѣтъ,
Онъ тотчасъ вынулъ пистолетъ
И въ упоеньи лютомъ
Привѣтствовалъ ихъ пробочнымъ салютомъ.
Но увидавъ такой пріемъ
Гишпанки, повернувъ кругомъ,
«Убійца»,—закричали
И тотчасъ убѣжали.
Мораль сей басни такова:
Познай что всякая стрѣльба
Страшна для дѣвы робкой,
Хотя-бъ стрѣлялъ ты пробкой.

9.

ВАНЬКА КЛЮШНИКЪ И ЕГИПТЯНКА.

Ванька, ты Ванька,
Ванька, ты Клюшникъ!
Что ты, Ванька, одинъ стоишь,
Одинъ стоишь, на пупокъ глядишь?
Надѣвалъ бы ты, Ванька, синь кафтанъ,
Надѣвалъ бы ты, Ванька, лазоревый,
Шелъ бы ты, Ванька, невѣсту брать.
Ужъ у насъ-ли тѣи принцессы заморскія,
Ужъ у насъ-ли тѣи дѣвки Шемаханскія,
Ужъ у насъ-ли королевны Эфіопскія,
Ужъ у насъ-ли тѣ табашницы Испанскія,
Ужъ у насъ-ли рыбка голосистая,
Ужъ у насъ-ли дочка Окіянъ-моря.
«—А й спасибо, милые, на добромъ словцѣ,
А й спасибо, милые, на просватаньи,
Не прогнѣвайтесь, милые, на ослушаньи.

Ужъ коли на то пошло невѣсту брать,
Выберу себѣ невѣсту по сердцу,
По тому ли сердцу Ванькину,
По тому ли сердцу молодецкому.
Мнѣ не надо тѣхъ принцессъ заморскіихъ,
Мнѣ не надо дѣвокъ Шемаханскіихъ,
Мнѣ не надо королевенъ Эфіопскіихъ,
Мнѣ не надо табашницъ Испанскіихъ,
Мнѣ не надо рыбокъ голосистыихъ,
Мнѣ не надо дочекъ Океянъ-моря,
И всѣхъ прочихъ, которы показаны,—
А вы дайте-ка мнѣ тую смуглянечку,
Тую ли смуглянечку—Египтяночку.

10.

ВОИНЪ И МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Не слушай Царевны Морской
Неопытный Воинъ.
Зажжетъ тебѣ душу тоской,
Дурманомъ опоенъ,
Заплачешь горькой слезой.

Пускай чешуей золотой
Сверкаетъ Царевна,
Пускай ея пѣсня тоской
Полна и напѣвна,—
Не слушай Царевны Морской.

Ея хроматическихъ гаммъ
Не слушай, о Воинъ!
Подъ праздничный хохотъ и гамъ,
Дурманомъ опоенъ,
Заплачешь въ ногахъ у дамъ!

11.

ИСПАНЕЦЪ И КОРЕЕЦЪ.

Эй, Испанецъ, не кричи,
Помолчи хоть на минутку,
Каблукомъ не топочи,
Не дуди гнусаво въ дудку!
Видишь, маски стали въ рядъ,
Видишь, смотрятъ всѣ на двери!
Такъ на львицу, говорятъ,
Ожидаючи, глядятъ
Звѣри.
Кто-то выйдетъ, будь готовъ,
Притащи сюда Корейца,
Дай ему отъ европейца
Пару дружныхъ тумаковъ.
Пусть притихнетъ. Стали въ рядъ,
Видишь, смотрятъ всѣ на двери...
Кто-то выйдетъ, говорятъ,
Кто-то кинетъ ясный взглядъ
Пэри.

12.

МАЙОРЪ И КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ.

Ужель подъ радостные клики
Ея Величество, жена
На тронѣ рыцаря-владыки,
Сошла сегодня съ полотна?
Ахъ, нѣтъ! Мой взоръ обманутъ сходствомъ.
Вошла Княгиня, съ ней Майоръ.
И простотой, и благородствомъ
Прелестнѣй всѣхъ ея уборъ.
Онъ воскрешенье сердцу милой,
Немного странной старины,
И нѣженъ онъ, какъ запахъ хилый
Фіалокъ сѣверной весны.
Турнюръ, еще такой несмѣлый,
Еще несмѣвшій стать собой,
И на груди сіянье бѣлой
Камеи въ рамкѣ золотой.

Въ цвѣтахъ сиреневая шляпка,
Какъ дискъ сіянья у святыхъ,
Такъ неувѣренно, такъ зябко
Сжимаетъ чернь волосъ густыхъ.
И какъ размѣренно-спокоенъ
Княгининъ плавный, легкій шагъ!
А рядомъ съ ней высокій воинъ
Въ добытыхъ кровью орденахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ моемъ саду росли цвѣты,
И я любилъ на нихъ смотрѣть,
На розъ высокіе кусты,
На огоньковъ слѣпую мѣдь.
И неподвижно вкругъ меня
Цвѣты плясали танецъ свой,
Когда вечерняго огня
Касался куполъ голубой.
И было горе далеко,
И мнѣ былъ дорогъ ихъ покой,
И часто гладилъ я легко
Рукой застѣнчивый левкой.
Но осень злобная смела
Въ саду цвѣтной коверъ.
И тамъ, гдѣ жизнь цвѣтовъ цвѣла,
Лишь землю видитъ взоръ.

Теперь я вышелъ, маски, въ залъ.
О, маски, вы-ли не цвѣты?
И шумнымъ блескомъ карнавалъ
Заворожилъ мечты.
Но вдругъ на праздникъ мой проникъ—
Какому сердцу выдать боль!—
Какой-то злой кривой старикъ
Подъ маской Алкоголь.
И онъ на масокъ нападалъ
И, какъ осенній вихрь, губилъ,
И потускнѣлъ нарядный залъ
И сердце защемилъ.
О маски—радость, маски—смѣхъ!
Гдѣ вы, рабы, пажи, цари?
Здѣсь вмѣсто плясокъ и утѣхъ
Лишь свѣтъ слѣпой зари!

* * *

Я неустойчивый, я шаткій,
Привыкъ давнымъ давно къ ярму.
Ужъ я не брошу никому
Въ лицо заносчивой перчатки.

Я злого Рока рабъ ничтожный.
Не мнѣ цвѣты и лавръ вѣнка,
Мои заржавѣвшія ножны
Уже не выпустятъ клинка.

Но я люблю отвагу смѣлыхъ
И ей слагаю свой напѣвъ
Для жадно-глазыхъ, знойно-тѣлыхъ,
Мечтѣ—послушно-робкихъ дѣвъ.

МУЖЪ РУСАЛОКЪ.

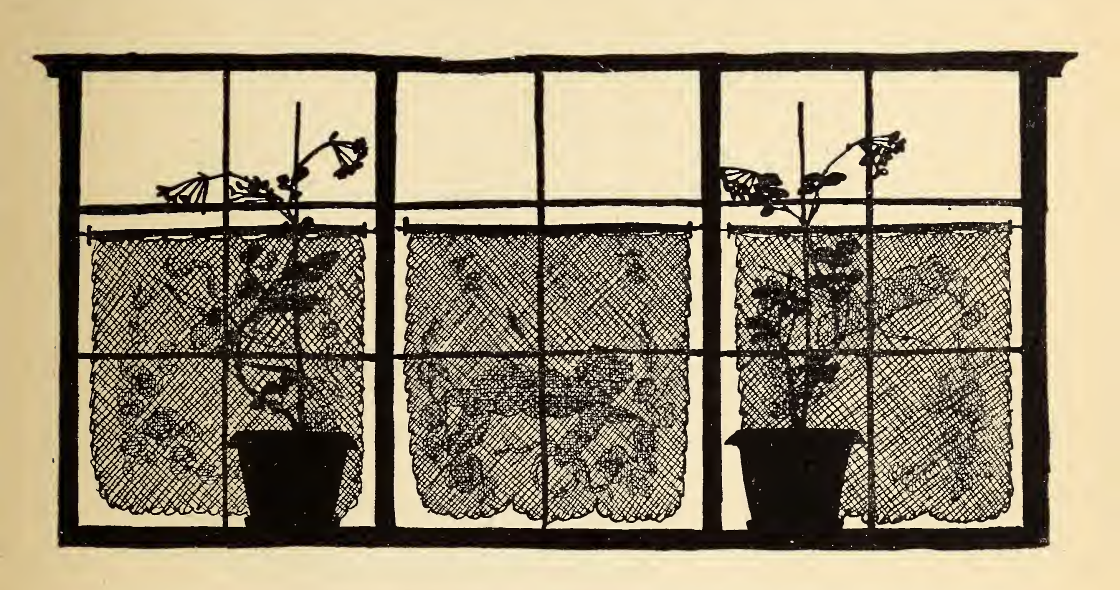
Баллада.

Я былъ отважнымъ рыбакомъ,
Я не боялся каждой бури,
Не избѣгалъ, какъ вы, тайкомъ
Ея неукротимой дури.
Напрягши мышцы, дикъ и смѣлъ,
Бросался я на каждый гребень,
И ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ
Толкнуть меня въ прибрежный щебень.
Теперь тридцатую весну
Ужъ не смолю я гордой лодки
И выйти въ море не дерзну,
Старикъ разслабленный и кроткій.
Но если станетъ вотъ такой,
Какъ ты, щенокъ, при мнѣ хвалиться,
Что удалось ему домой
Сквозь бурю дикую пробиться,

Такъ я припомню старину
И разскажу, а ты послушай,
Какъ я, бывало, билъ волну,
Не льстяся безопасной сушей.
Зато частенько привозилъ
Попавшихъ въ сѣть ко мнѣ русалокъ
И ихъ бросалъ въ прибрежный илъ
Добычей вороновъ да галокъ.
Но разъ досужая волна
Весло съ ладьи моей украла.
Не доглядѣлъ, моя вина—
Но не смутился я ни мало.
Однимъ весломъ я началъ гресть,
Хоть былъ задоръ мой только жалокъ,—
Меня настигла злая месть
Въ живыхъ оставшихся русалокъ.
Девятый валъ разинулъ зѣвъ
И проглотилъ мою лодченку.
Припомнилъ я любимыхъ дѣвъ
Да мать слѣпую старушенку.
Прощай, родная сторона!
Дай Богъ, чтобъ честью помянула!
И тутъ соленая волна
Меня сразмаху захлестнула...
Очнулся я на острову.
Вокругъ меня русалки бродятъ.
Протеръ глаза; смотрю—живу.
Русалки хороводы водятъ.
Потомъ притихли, стали въ рядъ
За вереницей вереница,

А изъ-за скалъ, гдѣ къ морю скатъ,
Пришла русалочья царица.
Ко мнѣ приблизилась и такъ
Сказала (помню все до слова):
«Ты убивалъ сестеръ, рыбакъ,
За что? что сдѣлали мы злого?
Живутъ русалки безъ мужей,
Бездѣтнымъ, дѣвственнымъ народомъ,
И съ каждымъ днемъ они старѣй,
И смерть имъ ближе съ каждымъ годомъ.
Настанетъ ночь, взойдетъ луна
Такой-же свѣтлой и нетлѣнной,
Но одинокою волна
Взовьется къ небу горькой пѣной.
Ужъ будетъ нами въ пляскѣ нѣгъ
Морской просторъ навѣкъ исплаванъ,
И пѣна бѣлая, какъ снѣгъ,
Одѣнетъ море въ скорбный саванъ.
Ты отнималъ сестеръ у насъ—
Такъ дай дѣтей намъ, будь намъ мужемъ!
Не откажись, а то сейчасъ
Тебя мы до смерти закружимъ!»
Два года прожилъ съ ними я
И обнималъ за тѣломъ тѣло,
И часто рыбья чешуя
Съ ихъ плавниковъ на мнѣ блестѣла.
Что муки я перетѣрпѣлъ!
Я сгорбленъ, лысъ, а былъ пригожій,—
Что дѣлать, милый, я не смѣлъ
Не цѣловать ихъ склизкой кожи!

На третій годъ я смогъ бѣжать—
Убилъ дозорную русалку.
Мнѣ не въ первой ихъ убивать,
Но ту и посейчасъ мнѣ жалко.
Поплылъ, схватившись за бревно.
За мной гнались, былъ гонъ упорный,
Но было мнѣ не суждено
Погибнуть смертію позорной.
Ловилъ рыбакъ невдалекѣ;
Попался я въ рыбачьи сѣти,
И съ нимъ уплылъ на челнокѣ—
А думалъ, ужъ не жить на свѣтѣ.
Едва добрались мы домой,
Едва отбились отъ русалокъ,
Какой то доброю волной
Челнокъ нашъ выкинуло на лугъ!
Прошло лѣтъ семь. Однажды въ ночь
Я повстрѣчалъ русалку въ морѣ.
Взглянулъ—узналъ: моя же дочь!
За что она въ такомъ позорѣ!
Съ тѣхъ поръ тридцатую весну
Ужъ не смолю я гордой лодки
И выйти въ море не дерзну,
Старикъ разслабленный и кроткій.

ГЕРАНЬ ПЕЧАЛЬНАЯ.

ЛЮБОВЬ.

Виски корона давитъ,
Свѣтъ солнца такъ жестокъ.
Кого ко мнѣ направитъ
Сегодня пьяный рокъ?
Ко мнѣ стремится каждый,
Но каждый не дойдетъ—
Лишь тотъ, кто мучимъ жаждой,
Меня найдетъ.
Но всѣмъ вѣнки плету я,
Для всѣхъ я рву цвѣты
И часто долго жду я
Шаговъ изъ темноты.
Но солнце взоръ мой встрѣтитъ,
Шепну вѣнку—прости...
И плескъ волны отмѣтитъ
Ушедшаго съ пути.

* * *

Вѣтеръ, бѣлый вѣтеръ моря,
Занеси окно любви!
А когда въ сѣдомъ узорѣ
На стеклѣ заблещутъ зори,—
Позови.
Я приду къ своей богинѣ,
Зацѣлую снѣгъ окна,
Растоплю кристальный иней,
Разовью узоры линій,
Какъ весна.

ЗОХНА.

Сердце шепчетъ снѣгу: тай,
Сердце шепчетъ лужѣ: сохни,
Пусть скорѣй кудрявый Май
Улыбнется милой Зохнѣ.
Тайный лепетъ темныхъ глазъ
Звонкимъ крикомъ солнца вспыхнетъ.
Холодъ сгинетъ. Въ первый разъ
Смѣхъ насмѣшливый притихнетъ.
Только вечеръ запрядетъ
Выси неба алымъ дымомъ,
Зохна милая придетъ
Повидаться съ нелюдимомъ.
Жду. Что мигъ, тянусь къ дверямъ,
Пальцы рукъ похолодѣли...
Стукнетъ, стукнетъ, знаю самъ,
Стукнетъ, стукнетъ, но ко мнѣ-ли?

Развѣ нѣтъ другихъ дверей,
Чуткихъ къ стуку милой феи?
Развѣ нѣтъ другихъ кудрей
Шелковистѣй и темнѣе?

ФІАЛКѢ.

Снѣгъ растаетъ—я приду,
Принесу тебѣ неволю.
Будешь въ солнечномъ бреду
Ласки слать родному полю.
Будетъ юнъ сосѣдній лугъ,
Будетъ зеленъ каждой травкой.
Я приду нежданно, вдругъ
И проткну тебя булавкой.
А потомъ узнаешь ты
Запахъ губъ моей любимой;
У нея глаза—цвѣты
Купины Неопалимой.
И любовь тебя возьметъ,
Будетъ жечь ревнивымъ ядомъ,
Лепестки твои убьетъ
Взглядомъ.

И растопчетъ каблукомъ
На полу своей темницы,
И другимъ своимъ цвѣткомъ
Мнѣ украситъ шелкъ петлицы.

ВЕСНА.

Весной украдетъ облака
Съ небесъ любая лужица.
Нахохливъ мокрые бока,
Рой воробьевъ закружится.
Ужъ на рѣкѣ сыпучій ледъ
Ручьями исковеркало.
Вновь по асфальту потечетъ
Расплавленное зеркало.
И ты себя увидишь тамъ,
Ступающей по облаку,
По дальнимъ, синимъ небесамъ,
По солнечному облику.
Не раздави! Не наступай!
Иди по нимъ съ опаскою—
Не то назадъ умчится Май,
Не обласкавъ насъ ласкою.

ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА.

Барышня въ синей шляпкѣ,
Опять ты явилась мнѣ.
Сколько цвѣтовъ въ охапкѣ?
Сколько любви по веснѣ?
Вынесло въ море Невою
Послѣднiй сыпучiй ледъ.
Снова иду за тобою.
Слѣдомъ любовь идетъ.
Смѣло на сѣромъ камнѣ
Твои каблуки стучатъ.
Ну, посмотри въ глаза мнѣ,
Ну, обернись назадъ!
Возлѣ Лебяжьей канавки
Глянешь со ступеней—
Будто поправишь булавки
Синей шляпки твоей.

Холодно станетъ отъ взгляда
Твоихъ подведенныхъ глазъ.
Развѣ любви не надо?
Развѣ январь у насъ?
Но неземной богиней
Уйдешь, насмѣшку тая...
Барышня въ шляпкѣ синей
Опять, опять не моя!

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Таялъ снѣгъ зеленоватый...
Я пришелъ и сталъ у двери,
Сквозь окошко съ бѣлой ватой
Поклонился милой Вѣрѣ.
Позвонилъ. Открыли двери.
Снялъ пальто, пригладилъ полы
И вошелъ къ любимой Вѣрѣ,
Свѣжій, крѣпкій и веселый.
Говорилъ любимой Вѣрѣ
О театрѣ, о концертѣ...
И не видѣлъ, какъ у двери
Показался саванъ смерти.
Жалъ, прощаясь, руки Вѣрѣ.
Покачнулся на порогѣ...
А въ четвергъ у той-же двери
Вязли траурныя дроги.

ВЕСНА.

Передъ тѣмъ, какъ быть бѣдѣ,
Въ домѣ зеркало разбили.
Въ первый разъ еще въ прудѣ
Ивы почки отразили.
Небо стало вдругъ синѣй,
Вдругъ синѣй, нѣжнѣй и выше.
Зачирикали сильнѣй
Воробьи на желтой крышѣ.
Такъ, сидѣла у окна,
Не ждала совсѣмъ напасти.
Вдругъ настигла пелена
Страсти.
Подошелъ, заговорилъ:
«Здѣсь живетъ студентъ Ивановъ?»
Сердце бѣдное обвилъ
Скорбнымъ саваномъ тумановъ.

Стала чахнуть и, къ средѣ,
На Святой, похоронили.
Передъ тѣмъ, какъ быть бѣдѣ,
Въ домѣ зеркало разбили...

ВЪ БУФФѢ.

Не мнѣ любить тебя за то,
Что ты меня приворожила,
Что есть невѣдомая сила
Въ твоемъ коричневомъ пальто.
Чуть вечеръ, я иду туда,
Гдѣ быстротечной ночью лѣта
Хранитъ усталая вода
Въ себѣ снопы и брызги свѣта.
Подъ взвизгъ и выкрикъ хриплыхъ струнъ,
Среди нѣмыхъ цвѣточныхъ кадокъ,
Шумитъ назойливый бурунъ
Волановъ кружевъ, шляпъ и складокъ.
И въ немъ я, трепетный, ловлю
Прикосновенiй милой ткани.
Коснусь—и душу погублю
И жажду вновь соприкасанiй.

* * *

Застрѣлилась, а смѣется—
Розовая вся.
Только солнце, лучъ кося,
Золотой косы коснется,—
Улыбнется, засмѣется,
Розовая вся.
Гробикъ ласковъ, словно люлька,
Желтая кайма.
Что ни гвоздикъ, то висюлька,
Кисти, бахрома...
Гробикъ ласковъ, словно люлька...
Какъ дитя, сама.
Завтра, послѣ литургіи,
(Только-бъ не забыть!),
Надо кисти золотыя
Попрочнѣй прибить,—
Завтра, послѣ литургіи,
Будутъ выносить.

* * *

Мой осенній, золотой.
Чахлымъ солнцемъ залитой,
Желтый, красный и зеленый
Садъ.
На террасѣ въ пестрыхъ стеклахъ
Вижу краски сновъ облеклыхъ.
Гдѣ ты, гдѣ ты, мой влюбленный
Взглядъ?
На газонѣ, сѣръ и хмуръ,
Ждетъ весны опять амуръ,
Держитъ старый и разбитый
Шаръ.
Ахъ, давно-ли у фонтана,
Безъ предѣла, безъ обмана,
Насъ томилъ любви сердитый
Жаръ!..

НЕДОПИТЫЙ БОКАЛЪ.

Пробивъ стеклянный плѣнъ бокала,
Поутру хрупкая заря
Стебли лучей своихъ ломала
Въ атласной плави янтаря.
Коснулись глазъ полуоткрытыхъ
Пучки надломленныхъ лучей,
И въ янтаряхъ и въ хризолитахъ
Я прочиталъ тоску по ней.
Вчера изъ этого бокала
Она пила и много разъ
Невѣрнымъ каплямъ довѣряла
Святыя тайны сѣрыхъ глазъ...
Хочу узнать, о чемъ мечтала,
Не увидавъ конца и дна?
И пью изъ яркаго бокала
Остатокъ бѣлаго вина.

ГЕРАНЬ ПЕРСИДСКАЯ.

ТРИ ГАЗЕЛЛЫ.

I.

Не ходи, мой другъ, къ сосѣдкѣ, не ходи,
Въ часъ условленный къ бесѣдкѣ не ходи.
Путь любви опасенъ юнымъ, путь любви
Безъ потерь проходитъ рѣдкій, не ходи.
Пусть быстры любовью ноги, пусть быстры
Взгляды глазъ твоихъ и мѣтки, не ходи.
Пусть вы съ ней клянетесь оба, пусть вы съ ней
Въ дняхъ любовныхъ однолѣтки, не ходи.
Ждетъ обманъ тебя въ любови, тотъ обманъ
Испытали наши предки, не ходи!
Вмѣсто ласкъ тебя обманутъ, вмѣсто ласкъ
Ты услышишь возгласъ ѣдкій: «Не ходи».
Ты идешь? Ты мнѣ не вѣришь? Ты идешь?
Что сказать мнѣ напослѣдки?—Не ходи!

2.

Зрѣютъ нивы знойнымъ солнцемъ,
Спѣютъ сливы знойнымъ солнцемъ,
Въ тишинѣ прибрежныхъ склоновъ
Грезятъ ивы знойнымъ солнцемъ.
Все согрѣто, все—отъ розы
До крапивы—знойнымъ солнцемъ.
Въ мірѣ людямъ все подвластно,
Люди живы знойнымъ солнцемъ.
Я же... Пусть забытъ я буду,
Несчастливый, знойнымъ солнцемъ,—
Мнѣ у милой вѣчно свѣтятъ
Косъ извивы знойнымъ солнцемъ!
Съ ними самъ я скоро стану,
Сиротливый, знойнымъ солнцемъ!

3.

Мѣсяцъ на небѣ потухъ поутру,
За горой кричитъ пѣтухъ поутру,
Въ берестяную дуду по овецъ
Загудѣлъ вдали пастухъ поутру.
Загудѣлъ и пересталъ, и опять
Задремалъ лѣнтяй лопухъ поутру.
Я проснусь и посмотрю вкругъ тебя:
Нѣтъ-ли мошекъ, нѣтъ-ли мухъ поутру,
Не цѣлуютъ ли они безъ меня
Милыхъ губъ чуть зримый пухъ поутру...
Но боюсь—не промолчу, разбужу—
Ревновать не надо вслухъ поутру!

САДЪ ЛУННЫХЪ ПРИЧУДЪ.

I.

АБУ-НОВАСЪ О ЗУЛЕЙКѢ.

Въ водоемѣ, скрытомъ кипарисами, вчера
Я увидѣлъ свѣтъ, сверканье, трепетъ серебра.
О, глаза мои, вы были раньше бѣдняки,
Сколько въ вамъ прихлынуло богатства и добра!
Тамъ газель меня плѣнила:—Гдѣ вы, гдѣ стрѣлки?—
Натянуть стрѣлой любови тетиву пора!
Неувѣреннымъ движеньемъ, пальцами руки
Тщетно скрыть она старалась наготу бедра.
Ахъ, зачѣмъ не могъ я рыбкой радостной рѣки
Прикоснуться къ ней краями краснаго пера!
Ахъ, зачѣмъ не могъ я струйкой, бросивъ тростники,
У нея, у бѣлой розы, нѣжить лепестки!

2.

РУСТАНЪ О ЗУЛЕЙКѢ.

Я пью и ѣмъ янтарный медъ,
Я славлю всѣмъ янтарный медъ.
Не измѣню тебѣ для бармъ
Для рѣдкихъ геммъ, янтарный медъ
Мнѣ вѣчно милъ Абу-Новасъ,
Его поэмъ янтарный медъ.
О милой мнѣ онъ говорилъ:
Она совсѣмъ янтарный медъ.
Но онъ не правъ; со влагой устъ
Сравнится чѣмъ янтарный медъ?
Гори-же день, пролей, пролей,
Въ ея гаремъ янтарный медъ!

3·

ЗАВѢТЪ АБУ-НОВАСА.

Груди, груди, спѣлые гранаты,
Вы плѣнили юнаго Рустана.
На охоту вышелъ безъ колчана,
Сѣлъ на лошадь утромъ безъ сѣдла ты,
О влюбленный, какъ ты сталъ разсѣянъ!
Только-бъ видѣть милую почаще!
Нѣту кожи поцѣлуямъ слаще,
Добрымъ джиномъ милый ротъ взлелѣянъ.
Если ночью ты увидишь косы
Милой, скажешь: Стало вдругъ три ночи.
Если близко ты увидишь очи
Милой, скажешь: Сердце жалятъ осы.
Цвѣтъ миндальный, вѣтки яблонь, руки,
Вы ласкали юнаго Рустана,
Крѣпче жмите—поздно или рано
Смерть приходитъ Матерью Разлуки.

4.

ЗУЛЕЙКА ПЛАЧЕТЪ.

О, любимый мой, не былъ бы ты лучникомъ
У царя Шахъ-иль-Манзара—
Тяжкій рокъ намъ не былъ бы разлучникомъ,
Не нанесъ бы влюбленной удара.
Взгляды глазъ твоихъ сердце мое встрѣтили,
Двѣ змѣи скрылись, ужаливъ.
О, зачѣмъ тебя ангелы отмѣтили
Стройнымъ станомъ стройнѣй буквы Алифъ?
Предпочелъ тебя Шахъ-иль-Манзаръ юношамъ
Красотой лучшимъ въ Багдадѣ.
Не равны ли лютнямъ сладкострункѣйшимъ
Звуки словъ твоихъ, сынъ моего дяди?
Только вспомню я милаго и падаю,
Недыша, похолодѣлой.
О, вернись ко мнѣ солнечной усладою,
Утоли ты томное тѣло!..

5.

РУСТАНЪ РЫДАЕТЪ.

О, ночь! Скажи моей Зулейкѣ:
Долины глазъ ея—ячейки,
Гдѣ двѣ пчелы заключены,
Что губы устъ ея красны
И, словно листъ весенній, клейки...
О, ночь!
Мы съ ней навѣкъ разлучены!
Повсюду крѣпкій плѣнъ стѣны,
Мнѣ не найти глухой лазейки,
О, ночь!
Любимецъ шаха, на скамейкѣ
Сижу у ногъ его. Какъ змѣйки,
Ползутъ въ окно лучи луны...
Навѣй, навѣй на сердце сны,
Дай силъ забыть о чародѣйкѣ,
О, ночь!

ГЕРАНЬ ПѢСЕЛЬНАЯ.

ВЪ ОЖИДАНІИ.

Жара. Ремонты. Чистка.
Повсюду пыльный ядъ.
Влюбленная модистка
Уходитъ въ лѣтній садъ.
По модному одѣта
Въ широкое манто—
Она забыла это
И помнитъ только то.
Да,—то, не шелкъ подкладки,
А мягкій мракъ аллей,
Гдѣ поцѣлуи сладки
И шопотъ устъ милѣй;
Гдѣ будто молью съѣденъ,
Обитъ и оголенъ,
Стоитъ, нелѣпъ и блѣденъ,
Безносый Аполлонъ.

Гдѣ дамы, дѣвы, дѣти,
Юнцы и старики
Другъ другу ставятъ сѣти—
Любовные силки.
Вошла. На прудъ взглянула...
Ужъ милый не далекъ!
Украдкой подвернула
Развившійся високъ.
Попудрилась немного,
Какъ будто невзначай,
И вдаль пошла, дорогой
Вкушая близкій рай.
Ужъ милый вѣрно бродитъ
И смотритъ, смотритъ вдаль—
Не милая-ли входитъ
Въ аллею, не она-ль?
Ужъ приготовилъ вѣрно
Для встрѣчи что-нибудь;
Вѣдь любитъ онъ безмѣрно—
Не можетъ обмануть.
Но гдѣ же, милый, гдѣ же?
Куда онъ запропалъ?
Ужели онъ невѣжей
И негодяемъ сталъ?
А любо, ой, какъ любо,
Сейчасъ, поѣсть конфектъ...
И ходитъ, ходитъ Люба,
А милаго-то нѣтъ.

КРАСНАЯ КОФТА.

Какъ блестятъ подъ вечеръ крыши,
Послѣ быстраго дождя!
Солнце, солнце, взвейся выше,
Что ты меркнешь, заходя?!
  Правда, пурпуромъ Исакій
  Ты прощаясь, облило,
  Но сегодня, знаетъ всякій,
  Цѣлый день ты не цвѣло...
Сѣрый бархатъ надъ домами
Цѣлый день висѣлъ и плылъ,
И тебя за облаками
Кто-то крѣпко сторожилъ...
  Дождь прошелъ, и стало тише
  Послѣ быстраго дождя...
  Солнце, солнце, взвейся выше!
  Что ты меркнешь, заходя?!

Посвѣти, а мы съ Любашей
Въ Лѣтній садъ гулять пойдемъ...
Угостимся простоквашей,
Лимонадомъ и чайкомъ.
  У Любаши бѣлозубой
  Кофта красненькая есть...
  Красной кофточкѣ такъ любо
  На закатѣ розой цвѣсть.
Эту кофточку въ апрѣлѣ
Самъ я Любѣ подарилъ,
Чтобъ уста ея не смѣли
Говорить, что я не милъ.
  И она ту кофту любитъ
  Въ воскресенье надѣвать,
  И вдвойнѣ меня голубитъ
  И идетъ со мной гулять...
Если солнце ярко свѣтитъ,
Мы идемъ, и смотрятъ всѣ...
Каждый кофточку замѣтитъ
И подивится красѣ.
  И тогда Любаша рада,
  Вмѣстѣ съ нею радъ и я
  И несносной пыли сада,
  И веселью бытія.
А сегодня... солнце злое,
На меня ты, что-ли, зло?
Не понять мнѣ, что такое?—
Только вышло—и зашло!

ПО ГРИБЫ.

Солнце сбрызнуло росой
Кочки да канавки.
Ой, не мни ногой босой
Заревыя травки.
Подвязала черень косъ
Желтенькимъ платочкомъ
И бѣжишь черезъ покосъ
По невѣрнымъ кочкамъ.
Только ступишь въ мягкій мохъ,
Змѣйкой защекочетъ—
Ключъ студеный кожу ногъ
Тонкую промочитъ.
Духъ захватитъ, черезъ край
Расцвѣтешь улыбкой,
Точно милый невзначай
Обнялъ станъ твой гибкій.

Путь далекъ еще, далекъ,
Да грибы-то бѣлы.
Давитъ новый кузовокъ
Локоть загорѣлый.
Добѣжала до лѣска.
Отдохнуть присѣла,
Больно бѣлая рука
Съ ноши онѣмѣла.
Наколола ноги ей
Жесткая атава...
Пляшутъ птички межъ вѣтвей
Имъ заря—забава.
Растиликался щеголъ,
Залилась синица
И забыла про наколъ
Дѣвица.
Прикурнула у ствола
И, ей-ей, украдкой
До полудня проспала
Сладко, сладко, сладко.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ САДЪ.

I.

ВСТРѢЧА.

Какъ весна мнѣ сердце грѣетъ,
Сколько въ ней отрадъ!
Только день завечерѣетъ,
Ухожу я въ садъ.
Тамъ на выцвѣтшей скамейкѣ
Тихо я сижу
И съ березовой аллейки
Глазъ я не свожу.
Только семь пробьетъ на башнѣ,
Онъ придетъ сюда,
Тотъ-же, тотъ-же все, вчерашній,
Милый, какъ всегда.
Встрепенусь я, но съ улыбкой
Глазъ не подыму.
Уроню платокъ—ошибкой—
Подъ ноги ему.

Онъ подниметъ, не пойметъ онъ,
Молча мнѣ отдастъ.
Звукъ шаговъ, когда пойдетъ онъ,
Будетъ такъ-же частъ.
Я взгляну. За поворотомъ
Скрылся милый мой.
И одна пойду къ воротамъ,
Сжавъ платокъ рукой.
Дома буду все, что было,
Долго вспоминать
И платочекъ милый, милый
Крѣпко цѣловать.

2.

ЛЮБОВЬ.

Не одна я, не одна
Въ садикѣ гуляю;
Не одна я у окна
Звѣздочки считаю.
Милый другъ теперь со мной
День деньской гуляетъ,
Поцѣлуи въ часъ ночной,
Звѣздочки считаетъ.
Ахъ, съ тѣхъ поръ, что поднялъ онъ
Брошенный платочекъ,
Ужъ смѣнилъ листвою кленъ
Рябь весеннихъ почекъ.
Мы въ тѣни его сидимъ
Вмѣстѣ вспоминаемъ
Какъ искала встрѣчи съ нимъ
Я веселымъ Маемъ.

Ничего не страшно мнѣ
Милый не погубитъ:
Полюбилъ онъ по веснѣ,
Лѣто все пролюбитъ.

3.

ИЗМѢНИЛЪ.

Осень, осень желтымъ листомъ
Всѣ дороги замети,
Всѣ дороги, всѣ пути,
Чтобъ не могъ онъ къ ней пройти!
Вѣтеръ, вѣтеръ воемъ свистомъ
Уши милому провой,
Чтобъ не слышалъ милый мой
Слова ласки отъ другой!
Я вчера сама слыхала,
Притаившись за кустомъ,
Какъ она люблю шептала,
Дорогого соблазняла
И манила алымъ ртомъ.
Милый мой, не вѣрь—обманетъ,
Вѣдь у ней невѣрный нравъ
Вѣдь она, поцѣловавъ,

Душу вытянетъ, заманитъ
И уйдетъ, околдовавъ.
Осень, осень желтымъ листомъ
Всѣ дороги замети,
Всѣ дороги, всѣ пути,
Чтобъ не могъ онъ къ ней пройти!
Вѣтеръ, вѣтеръ воемъ свистомъ
Уши милому провой,
Чтобъ не слышалъ милый мой
Слова ласки отъ другой!..

4.

БРОСИЛЪ.

Зеркальце милое,
Не обмани!
Чѣмъ заслужила я
Черные дни?
Нѣжная сила
Куда ты пропала?
Я-ль не любила,
Я-ль не ласкала!
Холодъ нахлынулъ...
Кто приголубитъ?
Милый покинулъ,
Милый не любитъ.
Или стара я,
Иль некрасива,
Съ милымъ играя,
Лаской лѣнива?

Зеркальце милое,
Не обмани!
Чѣмъ заслужила я
Черные дни?

ПѢСНЯ.

Проще, равномѣрнѣе
Вечера горятъ.
Облачко вечернее,
Гдѣ-то твой нарядъ?

Затянулись просинью
Алые края.
Грустно въ небѣ осенью—
Загрустилъ и я.

Вдругъ мнѣ опостылила
Ласка карихъ глазъ...
Или сердце вылило
Всю любовь заразъ?..

ПѢСНЯ.

Въ зеленый цвѣтъ окрашена
Калитка дачи. Жду.
Вотъ, вотъ мелькнетъ Наташина
Косынка тамъ въ саду.
Пройдетъ въ бесѣдку, станетъ тамъ
Наташа розъ милѣй.
Ахъ, въ сердцѣ, ею занятомъ,
Такихъ немного дней.
Не каждый день позволено
Наташу повидать.
Чье сердце обездолено,
Тотъ знаетъ, долженъ знать,
Какъ ждется неувѣренно:
Измыкаешься весь,
Что мигъ, то все потеряно,
Что мигъ—все снова здѣсь.

ПѢСНЯ.

У моей подружки Кати
Піанино на прокатѣ,
У моей подружки Фени
Лисья шуба изъ Тюмени...
Плохо мнѣ жилось весну
Безъ милова друга!
Что ни вечеръ — то взгрустну,
Ночь реву бѣлугой.
Какъ одной мнѣ выйти въ садъ,
Ахъ, безъ кавалера!
Это очень, говорятъ,
Скверная манера.
То-ли дѣло, напримѣръ,
Если ходитъ рядомъ
Черноусый кавалеръ
Съ дѣловитымъ взглядомъ.

Удивляется народъ,
Сзади насъ шагая,
Шопотъ, ропотъ, гулъ идетъ:
Кто она такая?
Я все лѣто прождала
На скамейкѣ сквера,
Только осенью нашла
Сердце кавалера.
И теперь пускай у Кати
Піанино на прокатѣ,
И пускай себѣ у Фени
Лисья шуба изъ Тюмени.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАРИКМАХЕРЪ.

Скоро глянетъ мѣсяцъ блѣдный
Въ милу горенку твою,—
Одинешенекъ я, бѣдный,
Въ полисадничкѣ стою.
Невтерпежъ мнѣ духъ жасмину,
Хоть всегда я вижу въ немъ
Безусловную причину,
Что я въ Катеньку влюбленъ.
Подъ жасминовымъ кусточкомъ
Мы видались первый разъ.
Ты цвѣла совсѣмъ цвѣточкомъ
Для моихъ влюбленныхъ глазъ.
Ты клялась, что не обманешь,
Фотографію дала—
А теперь ты и не взглянешь
На несчастнаго меня.

Съ той поры я все страдаю.
На портретъ-ли посмотрю
Или книжку почитаю,
Все страдаю и горю.
Жду, когда пройдешь ты мимо...
Слезы капаютъ на усъ...
Катя, непреодолимо
Я къ тебѣ душой стремлюсь!

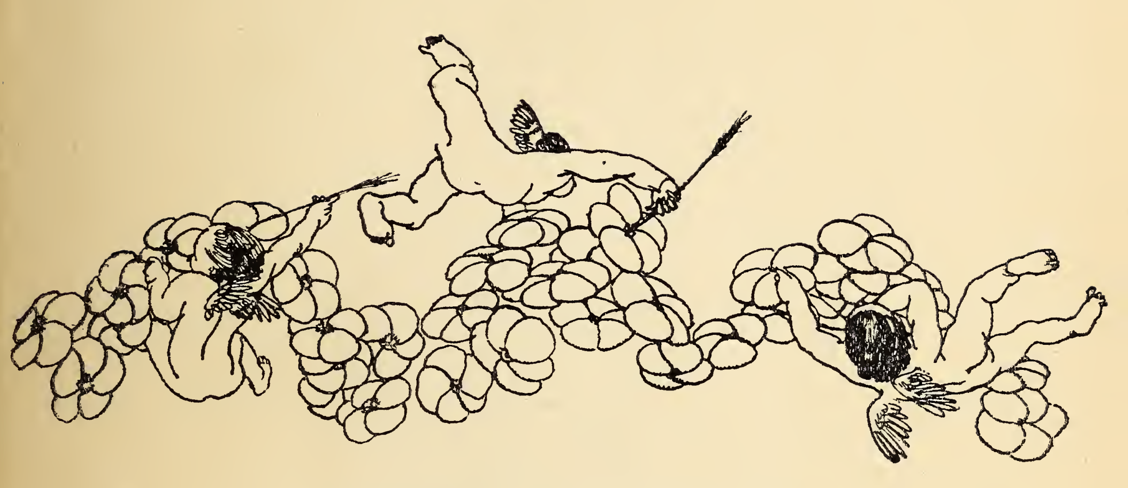
ПѢСНИ АКУЛИНЫ.

I.

Въ Петербургѣ жилъ купецъ.
Полюбилъ сиротку
И пошелъ съ ней подъ вѣнецъ—
Ласковый да кроткій.
Нарядилъ ее въ атласъ,
Въ бархатъ распрекрасный;
Цѣловалъ, да много разъ,
Ласково да страстно.
Умирая, завѣщалъ
Ей свои имѣнья.
А она пошла на балъ
Послѣ погребенья.

2.

Мнѣ милый далъ цвѣточекъ,
Цвѣточекъ не простой,
Сказалъ: люби дружочекъ
По саванъ гробовой.
Мнѣ милый далъ щегленка,
Щегленка хоть куда,
Сказалъ: люблю, миленка,
Люблю я навсегда.
Цвѣточекъ мой душистый,
Цвѣточекъ мой засохъ.
Щегленокъ голосистый,
Щегленокъ мой издохъ.
И нѣтъ уже милого—
Другую полюбилъ...
Навѣки безусловно
Онъ сердце мнѣ разбилъ.

ГЕРАНЬ ВЪ ЦВѢТУ.

ЖЕНИХЪ.

На красную горку
Женятъ Егорку.
Славный былъ малый
Егорка Безпалый;
Дворникомъ жилъ онъ
Въ номерѣ пятомъ,
Старшему былъ онъ
Двоюроднымъ братомъ.
Въ красной рубахѣ,
Въ форменной бляхѣ,
Семь разъ въ недѣлѣ
Мелъ онъ панели.
Не пилъ сивухи,
Но пилъ понемножку.
Мѣдную въ ухѣ
Носилъ онъ сережку.

Въ праздникъ, бывало,
Солнце не встало,
Ужъ онъ у парадной
Пилитъ на трехрядной.
Барышни были
Во власти Егорки,
Такъ и валили
Къ нему на задворки.
Ночью, что кошки,
Стерегъ онъ окошки—
Нѣтъ-ли въ предметѣ
Дамы въ корсетѣ?
Жить-бы да жить-бы
Да горя не знать-бы,
Свадьбы—женитьбы
Вѣкъ не искать-бы...
Не выдержалъ малый
Егорка Безпалый—
На красную горку
Женятъ Егорку...

У ДВОРЦА.

Когда весной разводятъ
Дворцовый мостъ—не зря
Гулять тогда выходятъ
Подъ вечеръ писаря.
Штаны у нихъ раструбомъ,
Штиблеты—чистый лакъ,
Идутъ сверкаютъ зубомъ,
Хихикая въ кулакъ.
За сизо-сѣрой мглою
Заглохъ закатный лучъ,
За крѣпостной иглою
Гора лиловыхъ тучъ.
Чуть вѣетъ невской влагой...
Въ предчувствіи конца
Идутъ они съ отвагой
Улавливать сердца.

И слышно издалече
По звонкимъ голосамъ,
Какъ радъ условной встрѣчѣ
Цвѣтникъ влюбленныхъ дамъ.
Пуховые платочки
Посбились вкривь и вкось...
Безъ думъ, безъ проволочки,
Гулянье началось.
До Прачешнаго моста
Дойдутъ и повернутъ —
Одну обнимутъ просто,
Другую ущипнутъ.
Въ стыдливости невинной
Зажмурилась заря...
По набережной чинно
Гуляютъ писаря.

ЛИХАЧЪ.

Обложенъ пухлой ватой,
Дороденъ, что калачъ,
Иванъ Петровъ Щербатый
Типичный былъ лихачъ.
Носилъ онъ для огласки
Фасонные часы
И, не жалѣя краски,
Нафабривалъ усы.
Надувъ насосомъ шины,
Довольствомъ упоенъ,—
Съ шестого половины
На биржу ѣхалъ онъ.
Живя съ дѣвицей Дуней,
Онъ былъ порою милъ
И даже муфтой куньей
Ей сердце ублажилъ.

Но просто съ господами
Онъ былъ наглецъ большой.—
Подкупленный рублями,
Молчалъ городовой.
Бывало, за простого
Его иной сочтетъ,—
Не вымолвитъ ни слова,
Лишь взглядомъ обругнетъ.
И такъ то стыдно станетъ
Иному, что онъ вмигъ,
Какъ камень въ воду, канетъ,
Поднявши воротникъ.
А стиснутъ пухлой ватой,
Скрививъ въ усмѣшку ротъ,
Иванъ Петровъ Щербатый
На козлахъ прикурнетъ.
И, простака приструня,
Онъ будетъ спать, пока
Захороводитъ Дуня
Съ деньгами сѣдока.
А выгодную сдѣлку
Пошлетъ имъ щедрый рокъ,
Махнутъ тогда на стрѣлку
Онъ, Дуня и сѣдокъ.
А утромъ (въ мылѣ сбруя)
Ужъ путь держа домой,
Онъ Дуню, зло ревнуя,
Ругаетъ—самъ не свой...

ДОБРОДѢТЕЛЬ ТОРЖЕСТВУЕТЪ.

Каждый день смотрѣлъ на дворъ
Монька Розанъ—хриплый воръ:
Нѣтъ-ли гдѣ въ окнѣ сюжетца,
Чтобы сердцу обогрѣться?
Стѣны съ версту въ вышину,
Въ окнахъ всѣ—окно къ окну,
А въ окошкахъ, точно спицы,
Все кухарки да дѣвицы.
Разъ, два, три, четыре, пять
Даже всѣхъ не сосчитать:
Манька Спичка, Манька Свѣчка,
Фенька Быкъ, да Фенька Печка,
Сколько хочешь, на подборъ,
Весь, какъ есть, усыпанъ дворъ.
Монька Розанъ малый дошлый,
Не порвавъ съ любовью прошлой,

Вздумалъ новую крутить,
Сердце лаской подарить.
Десять дней, блудливъ какъ кошка,
Не вставалъ онъ отъ окошка.
На одиннадцатый день
Сговорился: «Фень, а Фень,
Если ночь тебѣ не спится,
Заходи повеселиться»!
Но любовь безъ денегъ—дымъ,
Не зашла она за нимъ.
Монька понялъ, и наутро,
Кошелекъ изъ перламутра
У какой-то дамы скралъ—
Въ немъ былъ цѣлый капиталъ.
Обладая капиталомъ,
Сталъ мой Монька генераломъ,
Съ Фенькой, шапка на бекрень,
Куралеситъ ночь и день.
Но, увы, все въ мірѣ бренно!—
Моньку сцапали мгновенно.
Фенька воетъ, Монька лютъ—
Моньку дворники ведутъ...
Такъ наказываютъ власти
Неумѣренныя страсти.

ВЪ ЛѢТНЕМЪ САДУ.

Въ боковой аллеѣ сада
Разъ гуляло восемь дамъ,
Посылая тутъ и тамъ
Разнымъ встрѣчнымъ господамъ
Ласку, страсть и нѣгу взгляда.
Подойдемъ же къ нимъ и спросимъ:
Отчего ихъ ровно восемь?
И отвѣтитъ Жозефина:
«Есть на то своя причина».
И отвѣтитъ Калліопа:
«Это знаетъ вся Европа».
И отвѣтитъ намъ Жульета:
«Въ Вѣнѣ очень модно это».
И отвѣтитъ намъ Аманда:
«Такъ намъ будетъ меньше schande.
И отвѣтитъ Катерина:

«Вы мнѣ нравитесь, мущина»».
И отвѣтитъ Міормосса:
«Угостите папиросой».
И отвѣтитъ Маріамъ:
«Такъ велѣла намъ мадамъ».
Услыхавъ, ужъ мы не спросимъ,
Кто такія эти восемь.

ОБЫКНОВЕННО.

Въ Кафе де-Пари
За столикомъ
Сидѣло три
Дамы
Изъ «Ямы».
У одной шляпка была
Съ кроликомъ,
У другой было боа
Роликомъ,
А третья была—
Алкоголикомъ.
Къ нимъ подошло
Три пріятеля,
Три искателя—
Развлеченія.

Одинъ—пьянъ зѣло,
Другіе не менѣе.
Тономъ игривымъ
Сказали три дамы
Изъ »Ямы»:
«Угостите насъ пивомъ».
Но прихотливымъ,
У столика стоя,
Отвѣтили трое
Тономъ:
«Что намъ
«Въ пивѣ, красотки—
«Лучше выпейте водки».
И ушли изъ Кафе де-Пари
Вмѣстѣ съ ними всѣ три
Дамы
Изъ «Ямы».
У одной шляпка была
Съ кроликомъ,
У другой было боа
Роликомъ,
А третья была
Алкоголикомъ.

СЕКРЕТАРЬ ПРОФЕССОРА.

Секретарь профессора мѣстнаго,
Очень извѣстнаго,
Граждански-честнаго—
Сидѣлъ въ ресторанѣ
Квисисанѣ.
Былъ онъ технологъ
Изъ семинаристовъ,
Волосъ
Дологъ,
Голосъ
Неистовъ.
Сдвинувъ фуражку
Къ затылку,
Онъ курилъ
Въ затяжку
И пилъ
За бутылкой бутылку.

Послѣ одной изъ бутылокъ,
Вдругъ сдѣлавшись пылокъ,
Онъ заоралъ:
«Куда я попалъ?!
Господа,
Послушайте друга и брата:
Это притонъ разврата!
Не ходите сюда
Никогда!»
Румяная дѣва,
Что сидѣла налѣво,
Обернулась,
Усмѣхнулась
И, найдя технолога пьянымъ,
(Ей пьяные давно опротивѣли)
Снова нагнулась
Надъ стаканомъ
Съ массаграномъ...
А секретаря профессора вывели...

СЕМЕЙСТВО.

Жили-были
Въ театрѣ «Стилѣ»
Двѣ сестрички
Пѣвички.
Одна была постарше—
Танцовала разные марши,
Другая получше—
Танцовала качучи,
И обѣ вмѣстѣ плѣняли толпу
Ки-ка-пу.
Была у нихъ маменька съ тальмой
Съ чернымъ стариннымъ токомъ,
Нарумянена свекольнымъ сокомъ...
Каждый вечеръ подъ пальмой,
Въ фойе въ уголочкѣ,
Она сидѣла, болтала

Съ продавщицей цвѣтовъ
И до трехъ часовъ
Поджидала—
Скоро-ли кончатъ дочки.
А дочки сидѣли въ залѣ
Съ лысыми и съ брюнетами
Угощались конфетами,
Икру жевали,
Мочили губы въ бокалѣ,
А въ три часа уѣзжали.
Судите сами—
Одни или съ гостями?
Такъ, жили-были
Въ театрѣ «Стилѣ»
Двѣ пѣвички
Сестрички.
Одна была Марья Степанна,
Другая Фанни Иванна,
А маменька была старая дѣва
Шмулевичъ Ева.

МЩЕНІЕ.

(БАЛЛАДА).

Жили два клоуна Тобби и Томъ,
Жили, ходили всю жизнь колесомъ.
Томъ выдувалъ кэкъ-уокъ на метлѣ,
Тобби крутился волчкомъ на столѣ.
Томъ былъ серьезенъ, трезвъ и женатъ,
Тобби былъ вѣтренъ и выпивкѣ радъ.
Томъ и за дѣломъ былъ грубъ и угрюмъ,
Мрачно одѣтый въ лиловый костюмъ.
Тобби, весь въ желтомъ, съ веселой душой,
Портилъ арену своей головой.
Оба, въ расцвѣтѣ пріѣхавши къ намъ,
Были любимцами вѣтренныхъ дамъ.
Отъ неизвѣстныхъ, но милыхъ персонъ
Много имъ писемъ носилъ почтальонъ
Томъ, не читая, ихъ комкалъ и рвалъ
Шелъ и жену горячо цѣловалъ.

Тобби, напротивъ, большой донъ-жуанъ,
Пряталъ всѣ письма въ жилетный карманъ.
Жили-бъ и жили-бъ Тобби и Томъ,
Жили-бъ, ходили всю жизнь колесомъ—
Да дернуло Тобби въ обществѣ дамъ
Про друга, про Тома обмолвиться: хамъ!
Съ помощью милыхъ влюбленныхъ персонъ
Томъ былъ сейчасъ-же о всемъ извѣщенъ.
Онъ двѣ недѣли думалъ, какъ быть,
Въ среду на третьей рѣшилъ отомстить.
Въ доску, гдѣ Тобби вертѣлся волчкомъ,
Маленькій гвоздикъ онъ вбилъ молоткомъ.
Тобби двадцатаго, въ десять часовъ
Черепъ себѣ провертѣлъ до мозговъ.
Сорокъ три дамы рыдали по немъ...
Такъ отомстилъ добродѣтельный Томъ.

ТАПЕРЪ.

Въ Румынскомъ оркестрѣ
Появился въ этомъ семестрѣ
Новый таперъ.
Одѣтый въ родъ казакина,
Какъ и всѣ остальные,
Онъ былъ похожъ на румына
Такъ же, какъ я на Венеру.
Свѣтелъ былъ взоръ
Большихъ не въ мѣру
Сѣверныхъ глазъ,
А кудри его завитыя
Были похожи цвѣтомъ
На бѣлый квасъ.
Но при всемъ этомъ
Онъ былъ воспитанъ на Григѣ,
На Глюкѣ, на Бахѣ,

И только—жертва интриги
Одной дѣвицы изъ Риги—
Оставшись въ одной рубахѣ,
Бросилъ упорствовать
И началъ таперствовать.
О, какъ далеки
Были ему кэкъ-уоки!
Онъ нѣмецъ былъ очень гордый
И, стиснувъ зубы до боли,
Бралъ поневолѣ
Ненавистные сердцу аккорды,
До-діезы и ми-бемоли.
Зато онъ, бывало, въ антрактахъ
Отдыхалъ на любимыхъ тактахъ
И игралъ затѣйно,
Съ манерой почти Рубинтштейна,
Родимые сердцу напѣвы,
Вродѣ «Молитвы дѣвы».
А барышни за столиками
Съ подкладными въ прическахъ роликами,
Кушали,
Слушали,
Пивными стаканами звякали
И ужасно плакали.

ДИРИЖЕРЪ.

Балалаечникъ Митя Цитронъ
Былъ главою дачнаго хора,
Дирижировалъ хоромъ онъ
Удивительно споро,
Правда, Федоровъ—первый басъ
И Прокофьевъ—вторая прима
Попадали все время мимо,
Но махалъ Цитронъ—(безъ прикрасъ!)
Неутомимо!
Въ свѣтлыхъ туфляхъ, небрежно-кудрявъ,
Съ артистическимъ галстукомъ-бантомъ,
Онъ считался большимъ талантомъ.
Сколько нѣжныхъ сердецъ, воспылавъ
Неизбѣжно пристрастной любовью,
Величали его Мендельсономъ
И пошли бы за Митей Цитрономъ,
Поведи только Митя бровью.

Но напрасно въ паркѣ весь день
Сонмы барышень сонно бродили
И за Митей влюбленно слѣдили—
Онъ былъ твердъ, словно древній кремень.
Всей душою уйдя въ дирижерство,
Онъ являлъ неземное проворство.
Тамъ, гдѣ въ дѣло замѣшанъ мотивъ,
Былъ онъ строгъ и невмѣру ретивъ.
Словно пудель нестриженный, въ пекло
Онъ носился по дачамъ, стуча
Въ раскаленныя зноемъ стекла,
Попадаясь впросакъ сгоряча.
И обѣгавъ всѣ дачи, по парку
Проносился онъ ярой стрѣлой
И осматривалъ каждую арку,
Каждый мостикъ и кустикъ густой.
Вонъ, на лавочкѣ Федоровъ съ Лидой,
За кустомъ съ Хитрово—Харитонъ...
И на сыгровку тянетъ Цитронъ,
Не смущаясь бранной обидой,
Музыкантовъ со всѣхъ сторонъ.
Сколько сыпалось страшныхъ проклятій
На него отъ своихъ же собратій!
Но спектакли, балы искупали
Всѣ обиды его и печали.
Правда, Федоровъ—первый басъ
И Прокофьевъ—вторая прима
Попадали все время мимо,
Но махалъ Цитронъ—(безъ прикрасъ!)
Неутомимо!

МИРНОЕ ЖИТІЕ.

Софья Иванна и Марья Семенна,
Двѣ старыя дѣвы, жили бонтонно.
Папаша одной былъ статскій совѣтникъ,
Папаша другой былъ банкротъ-каретникъ,
Умерли оба, оставивши въ годъ
Каждой рублей по пятьсотъ, по шестьсотъ.
Въ мебелирашкѣ подъ вывѣской «Римъ»
Случай довелъ познакомиться имъ.
Онѣ познакомились, потомъ подружились
И рядышкомъ въ двухъ номеркахъ поселились.
Марья Семенна кофій варила,
А Софья Иванна къ обѣднѣ ходила.
У каждой предметомъ любви и заботъ
Былъ собственный, холенный, ласковый котъ.
Котъ Васька былъ черенъ, хотя бѣлоусъ,
Котъ Мурка общипанъ, блудливъ и кургузъ.

Жили всѣ четверо, хоть часомъ недужно,
Три четверти года и тихо, и дружно.
Ссорились только весной неуклонно
Софья Иванна и Марья Семенна.
Причиной ихъ ссоръ, суеты, хрипоты
Были, конечно, любимцы-коты.
И Мурка и Васька, учуявши мартъ,
Тотчасъ впадали въ драчливый азартъ.
Съ мордой въ крови, но свирѣпый, что турка,
Къ Марьѣ Семеннѣ являлся котъ Мурка.
Къ Софьѣ Иваннѣ, мяукая глухо,
Являлся котъ Васька безъ лѣваго уха.
Боже мой, сколько ругательныхъ словъ
Кричалось по адресу рваныхъ котовъ!
Каждая, зла на чужого кота,
Злостью и желчью была налита.
Къ вечеру, вдрызгъ разругавшись, подруги,
Кошекъ лѣчили, ворча на досугѣ.
И восемь недѣль при встрѣчахъ сурово
Не говорили другъ съ другомъ ни слова.
Но... приближался Троицынъ день,
Всюду въ садахъ расцвѣтала сирень,
И, покупая березки, опять
Онѣ начинали другъ съ другомъ болтать.
Снова, забывъ о разлучникахъ мартахъ,
Вмѣстѣ гадали подруги на картахъ.
Секретно мечтали о сладостномъ бракѣ,—
А кошки готовились къ будущей дракѣ.

СОСѢДСТВО.

Мой жребій
Ужъ давно
Весною горекъ.
Свѣтло на небѣ,
Но окно
Мое—
На узкій дворикъ.
А тамъ бѣлье,
А за бѣльемъ
Заборъ и садъ
Сосѣдній.
Тамъ за столомъ,
Намедни,
Я видѣлъ двухъ
Нѣмецкихъ дочекъ.
Былъ нѣженъ духъ

Кленовыхъ почекъ...
Съ мама̀, съ отцомъ
Они за кофе
Сидѣли,
Безъ философій,
Полнымъ ртомъ
Печенье ѣли
И все смотрѣли
Безъ устали—
Не пусто-ли
Въ чашкѣ папиной
Съ желтой крапиной.
Потомъ привстали,
Приборъ убрали
И вмѣстѣ съ мамой
Завязали.
А я за рамой
Своей оконной,
Въ тоскѣ бездонной,
Сидѣлъ, скучая,
За чашкой чая.
Отчего нѣтъ у меня дочки,
Чтобъ вязать чулочки,
Когда пахнутъ почки,
Чтобы весной тиховѣйной
Смотрѣть безъ устали,
Не пусто-ли
Въ чашкѣ кофейной?
Увы, что проку
Въ вопросахъ праздныхъ,

Въ соблазнахъ разныхъ!
Смотрю безъ сроку
Въ окно черезъ дворикъ,
И чай мнѣ горекъ
Какъ Парегорикъ.

МУЖЪ.

Въ цилиндрѣ, сверкающемъ
Шелкомъ,
Шелъ онъ по лужамъ, тающимъ
И вновь замерзающимъ,
Шагомъ мѣрнымъ,
Толкомъ
Не зная куда,
Но зналъ, какъ всегда,
Что нужно быть мужемъ
Вѣрнымъ.
Мимо катили
Автомобили,
Въ весеннемъ ражѣ
Неслись экипажи,
Лицо задѣвали
Вуали,

И не разъ
Ловилъ онъ взоръ
Увлекающихъ,
Обѣщающихъ,
Въ упоръ
Глядящихъ, весеннихъ глазъ.
Точно боясь оступиться,
Передъ каждой дѣвицей
Опускалъ онъ глаза,
Боясь соблазна...
Но вновь и вновь
Разнообразно
Злая любовь
Расправляла тенета.
Пришла гроза,—
И кто-то,
Именуемой Вѣрой,
Въ кофточкѣ сѣрой,
Заманилъ его,
Подхватилъ его
Тихомолкомъ
И повелъ въ цилиндрѣ, сверкающемъ
Шелкомъ,
По лужамъ,
Тающимъ,
Чтобы сталъ онъ невѣрнымъ мужемъ.

ЛЕЛЯ.

Разсказать вамъ, что-ли
О Лелѣ?
Звалась она Лелей.
Съ какой охотой и волей
Ее выбирали
И съ ней танцовали,
Еще въ институтѣ,
Кадеты,
Корнеты
И tutti
Quanti—
Все франтъ на франтѣ!
Свѣтлой блондинкой
Голубоглазой
Она родилась.
Когда предо мной,

Этой весной,
Она появилась—
Единой фразой
И половинкой
Мнѣ данной груши
Плѣненъ я былъ,
Развѣсилъ уши
И позабылъ
И о Надюшѣ,
И о Катюшѣ.
Развалившись въ креслѣ,
Мечталъ я, что будетъ, если
Я женюсь на Лелѣ?
Будутъ у меня дѣти—
Все Лели, да Пети,
Будутъ учиться въ школѣ...
Буду ходить въ халатѣ,
Спать на двухспальной кровати,
Буду ѣсть пирожки за обѣдомъ,
Играть въ винтъ съ сосѣдомъ,
Цѣловать мимоходомъ
Лелю и въ шейку, и въ глазки,
Не смущаясь народомъ...
И прелестью сказки
Убаюканъ,
Я едва увидѣлъ,
Что за портьерой,
За прикрытьемъ суконъ,
Лелю цѣлуетъ безъ мѣры
Онъ —

Мой сосѣдъ—баритонъ...
Этотъ поцѣлуй меня такъ обидѣлъ,
Что я не могу безъ боли
Разсказывать больше о Лелѣ.

КАЛЛИСТРАТЪ.

Жилъ Каллистратъ
И былъ Богу радъ,
И въ сорокъ лѣтъ
Цвѣлъ, что маковъ цвѣтъ.
Бородка хоть рѣденька,
Да не сѣденька,
А усъ—черноусъ,
Хоть на барскій вкусъ.
Жилъ Каллистратъ
Сорокъ лѣтъ подрядъ
На селѣ Снохачи
Въ избѣ на печи.
Въ кабакъ не хаживалъ,
Дѣвокъ не глаживалъ,
Постился постомъ
Да крестился крестомъ.

Пять лѣтъ Каллистратъ
Былъ на бабѣ женатъ;
На шестомъ году
Попался въ бѣду.
Въ ночь подъ Фрола
Жена умерла,
И безъ всякой причины,
Только поѣла калины.
Повылъ Каллистратъ
Сорокъ денъ подрядъ,
Надѣлъ армякъ
И пошелъ въ кабакъ.
Цѣлый годъ утѣшался,
Цѣлый годъ напивался,
Проклиналъ судьбу,
Пропивалъ избу.
Послѣ тѣхъ растратъ
Попалъ Каллистратъ
Въ Питеръ градъ,
Гдѣ мосты мостятъ.
Мостилъ, подмащивалъ,
Животъ отращивалъ.
Мостовъ не замостилъ,
Живота не отрастилъ.
Съ хулиганомъ связался—
Въ карты проигрался.
Съ горя напился
И въ Невѣ утопился.

———

Плыветъ картузъ
Въ немъ трефонный тузъ
Уголкомъ подрыгиваетъ,
Прохожимъ подмигиваетъ,
Дескать, будь умнѣй:
Не ходи съ бубней.

РЫБОЛОВЪ.

Честное слово,
Чинъ рыболова—
Завидный чинъ!
Сижу одинъ
На бережку
У обрыва.
Какъ все красиво!
Какъ хороша
Цѣпь камыша!
Вонъ по песку
Бѣжитъ куликъ,
Бѣжитъ, попискиваетъ,
Червячковъ поискиваетъ...
И шепчетъ душа:
«Да, Богъ великъ!
«Создалъ онъ куликовъ,

«А для нихъ червячковъ».
Но, неужели,
Творецъ Вселенной
Меня забудетъ?
Ужъ скоро будетъ
Всѣ три недѣли,
Какъ я, согбенный,
Сижу, сижу,
Ужу, ужу
На червячковъ
И на жучковъ,
На хлѣбъ, на мушекъ
И на лягушекъ,—
А хоть бы клюнуло!
Но кто уволокъ
Мой поплавокъ?!
Какъ вѣтромъ сдунуло!
Услышалъ Богъ
Мои молитвы—
Ловцу помогъ
Въ часы ловитвы;
Подсѣкъ, тяну,
Дроблю волну,
Удочка гнется,
Рука трясется,
Сердце бьется:
А вдругъ сорвется!
Но нѣтъ, леса хороша,
Вытянулъ я ерша.
И радостный крикъ

Испускаетъ душа:
«Да, Богъ великъ,
«Создалъ онъ кулика
«И утѣшилъ рыбака...»

«НЕ ФОРСИ, ФОРСУНЪ ПАРШИВЫЙ».

Въ сентябрѣ росой студеной
Умывается заря.
Нѣтъ поры душѣ влюбленной,
Бабьимъ лѣтомъ умиленной,
Розовѣе сентября.
    На полянѣ, между елокъ,
    Рыжикъ пыжится поднять
    Тяготу гнилыхъ иголокъ,
    Гнетъ ихъ тяжекъ, гнетъ ихъ колокъ,
    Солнца бѣдному не знать.
А подъ елками лихіе
Мужики боровики,
Прячутъ шапки дорогія.
О, затворники сѣдые,
Имъ то солнце не съ руки!

Ну, а взбалмошный обабокъ,
У березки золотой,
Бодръ и веселъ, шапка на бокъ,
Даромъ что немножко зябокъ,
Въ солнце лѣзетъ головой.
Мы-ста вмѣстѣ съ солнцемъ краснымъ
Поживемъ да поцвѣтемъ!
Только, жаль, въ одномъ бѣда съ нимъ—
Не дружитъ оно съ ненастнымъ,
Добрымъ, ласковымъ дождемъ.
А ужъ мы бы показали!
Только некому казать,
Всѣ, какъ есть, поуѣзжали—
Видно, глупые, не знали,
Что настанетъ благодать.
Да и, тоже, ходятъ, бродятъ,
Палкой тычутъ, мнутъ бока...
Половины не находятъ,
Только даромъ тѣнь наводятъ
Да валяютъ дурака.
Нѣтъ, ужъ я привыкъ, и знаю:
Коли вижу сапоги,
Я себя не унимаю,
Темной шапки не скрываю
Отъ подобной пустельги».
Но упиться нѣгой рѣчи
Не пришлось ему до дна,
Протянулись издалече
Чьи-то руки, чьи-то плечи
И... сорвали хвастуна.

ДАЧНЫЙ ВОЗДУХЪ.

День былъ жаркій, день былъ долгій,
Ни дождя, ни вѣтерка...
«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»—
Раздается съ озерка
Завыванье тенорка.
Какъ пріятно покататься
Вечеркомъ по лону водъ
Алымъ небомъ наслаждаться
И другъ другомъ любоваться
Безъ помѣхи, безъ заботъ.
И пускай изъ подъ купаленъ
Вылѣзаютъ пятки ногъ,
И пускай нашъ путь недаленъ,
Но за воздухъ, видитъ Богъ,
Я-бъ отдать полъ-жизни могъ.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЙ САДЪ.

Терзаетъ уши злой румынъ,
Тошна его свирѣль.
У тира толстый господинъ
Напрасно цѣлитъ въ цѣль.

Мѣшаетъ потная спина,
Мѣшаютъ перья дамъ.
Повсюду сѣрая волна
Шляпъ, котелковъ, панамъ.

Аплодисменты, вой и стонъ.
На небѣ ночь пьяна,
А по бокамъ со всѣхъ сторонъ
Угрюмая стѣна.

ЖАРА.

Солнце палитъ, солнце пышетъ,
Разморило небосклонъ.
На трубѣ, у самой крыши,
Тянетъ пѣсню Филимонъ.
Стѣну дома кистью мажетъ
И поетъ, поетъ, поетъ...
Что поетъ, никто не скажетъ
И никто ни разберетъ.
Красятъ капли яркой краски
Запыленый известнякъ:
Глазки лапки, лапки, глазки—
Пестрый фай, а не плитнякъ.
На ступенькѣ, у парадной,
Чьи-то кошки мирно спятъ,
Гдѣ-то слышенъ визгъ трехрядный
И «халатъ, халатъ, халатъ».

Тяжело отъ нудной пыли,
Ѣстъ глаза противный жаръ;
Хоть бы дворники полили
И меня, какъ тротуаръ.
Хоть бы злое солнце сѣло
Поскорѣе за дома.
И измученное тѣло
Обвила ночная тьма.
Нѣтъ, не сходитъ съ небосклона!
Нѣтъ пощады. Душитъ зной.
Только пѣсня Филимона,
Знай, виситъ надъ головой.
Цѣлый день онъ кистью мажетъ,
И поетъ, поетъ, поетъ,
Что поетъ, никто не скажетъ,
И никто не разберетъ.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Какъ пойдешь по Болховской
И свернешь направо,
Будетъ садикъ небольшой,
А за нимъ канава.
За канавой будетъ домъ,
Въ домѣ три окошка,
Каждый полдень на одномъ
Спину грѣетъ кошка.
Два горшечка на другихъ—
Съ розой и лимономъ.
Домикъ свѣтелъ, тепелъ, тихъ,
Даромъ, что съ наклономъ!
Сорокъ лѣтъ тому назадъ
Былъ онъ поновѣе—
Былъ при немъ цвѣтникъ и садъ,
Клумбы да аллеи...

Въ немъ живетъ теперь вдова,
У вдовы двѣ дочки.
Ну, совсѣмъ какъ рукава
Отъ одной сорочки.
Тотъ-же голосъ, та-же стать,
Тѣ-же губы, уши,
Низачто не распознать
Тани отъ Феклуши!
Съ Таней вечеръ прогулялъ—
Вышло, что съ Феклушей,
А Феклушу угощалъ,
Вмѣсто Тани, грушей.
Въ Таню я влюбленъ ужъ годъ,
Сынъ попа въ Феклушу.
А онѣ—наоборотъ,
Вотъ и тянутъ душу.
То одна пойдетъ со мной,
То пойдетъ другая,
Танѣ скажешь: чортъ съ тобой,
Феклѣ: дорогая!
Пропадаешь ни за грошъ,
И орешь безчинно:
«Почему я не похожъ
На попова сына!»

МАЛЬЧЕНКА.

Засунувъ сливу въ грязный ротъ,
Задумался мальченка,
Сидитъ на тумбѣ у воротъ
И смотритъ. Бьется звонко
О мостовую сталь подковъ.
Шагаютъ чьи-то ноги,
Но мой мальченка не таковъ,—
Онъ общей чуждъ тревоги.
Зачѣмъ, куда ему спѣшить,
Когда закатъ такъ зноенъ?
Онъ, правда, знаетъ слово «жить»,
Но онъ за жизнь спокоенъ.
Наклянчивъ за день кое-какъ
Двугривенный съ копѣйкой,
Купилъ пять сливъ онъ на пятакъ,
И карамельки клейкой.

Сидитъ и ѣстъ, и очень радъ,
Что бѣгаютъ трамваи,
Чтоярокъ праздничный закатъ,
Совсѣмъ, какъ будто въ Маѣ,
Что, изъ дому удравъ съ утра,
Отъ мамоньки онъ скрылся,—
Тамъ вѣрно харкаетъ сестра,
А тятька ужъ напился.
Сейчасъ онъ, вѣрно, мамку бьетъ,—
Ругается и лупитъ,
Потомъ раскаянье придетъ,
И тятька взоръ потупитъ.
И будетъ долго умолять
Чтобъ мамонька простила...
Куда же лучше здѣсь мечтать
О томъ, что сердцу мило.
Сидѣть и карамельки ѣсть,
А сливы-то какъ сладки!
Иль подбѣжать и лихо сѣсть
На чьи-нибудь запятки.
Вонъ ѣдетъ пара... Ну, бѣги,
Да вскакивай съ опаской,—
И мой мальченка въ три ноги
Пустился за коляской.

ВЪ ПАРКѢ.

«Все въ жизни бренно и мишурно,
Любовь одна—царица дней!
Любить, любить до боли, бурно,
Потока горнаго сильнѣй,
Что бъ даже ночь была лазурна!—
Что можетъ сердцу быть милѣй?»
Такъ, въ паркѣ, гдѣ бѣлѣетъ урна,
Подъ лаской звѣздъ, въ тѣни вѣтвей,
Вела Пьеретта рѣчь фигурно—
И, наклонившись страстно къ ней,
Обнявъ ее рукой своей,
Пьеро отвѣтилъ: «Да... не дурно»!

НА БАЛЪ.

Три дня просилась Маша:
«Пусти меня на балъ!»
Два дня ворчалъ папаша,
Ворчалъ и не пускалъ.
Но Маша и мамаша
Заладили: «Пойдемъ»!
На третій день папаша
Полѣзъ за кошелькомъ.
Вотъ нанята портниха...
Купили кисею
И приступили лихо
Къ примѣркамъ и шитью.
Весь день съ портнихой стычки,
А Маша слезы льетъ—
Портниха по привычкѣ
Обузила передъ.

Все платье распороли,
Портниху изругавъ,
Но въ проймѣ сталъ до боли
Внезапно жать рукавъ.
Потомъ бока морщили,
Корсажъ наверхъ полѣзъ...
Разъ десять перешили
И кончили въ обрѣзъ.
За полчаса до бала
Поставили утюгъ.
Портниха гладить стала,
Задумалась—и вдругъ
На самомъ видномъ мѣстѣ
Спалила кисею.
Мамаша съ Машей вмѣстѣ
Загрызли-бы швею,
Да помѣшалъ папаша.
Пришлось перешивать,
Въ слезахъ упала Маша
На нянину кровать.
Но вотъ пошли. Ненила
Китайскимъ фонаремъ
Имъ впереди свѣтила,
А сверху ихъ мочило
Безвыходно дождемъ...
Скользя по мокрымъ доскамъ,
Раздражена и зла,
Мамаша «недоноскомъ»
Папашу назвала.
Папаша тоже хмурый

Вскипѣлъ—и самъ не свой—
Мамашу назвалъ «дурой»,
А Машу «пустельгой».
У самаго собора
Въ сердцахъ попали въ грязь.
У Маши очень скоро
Калоша залилась.
О, туфли бѣлой кожи!
Увы, сквозной чулокъ!
На что они похожи—
Весь блескъ и шикъ размокъ!
Мамаша завопила:
«Ахъ, Маша, ангелъ мой,
Ты ноги промочила!»
И вѣрная Ненила
Свела всѣхъ трехъ домой.

ЕЛКА.

Въ гимназіи съ правами
Графини Верховской
Сегодня елка. Мамѣ
Пришлось пойти съ сестрой.
Сестра уже большая—
Въ четвертый перешла.
Всѣ четверти—вторая,
Пятеркамъ—нѣтъ числа.
Ей, ради этой елки,
Косичку расплели,
Одѣли всю съ иголки,
Обдули, обмели.
Надѣвъ передникъ бѣлый,
Отправились на балъ.
Иванъ, какъ оголтѣлый,
Галопомъ Ваську гналъ.

Пріѣхали. У входа
Горятъ два фонаря.
Вошли. Толпа народа
Вездѣ толпится зря.
Почтенныя мамаши
По стѣночкѣ сидятъ,
На фартучекъ Наташи,
Что лучше, чѣмъ у Маши,
Завистливо глядятъ
И сплетнями шипятъ.
Гуляютъ чинно дочки
Подъ окомъ классныхъ дамъ,
А тѣ поодиночкѣ
Все тянутся къ дверямъ.
Кого-то ждутъ. Служитель
Трусцою пробѣжалъ...
Звонокъ затрепеталъ!
Пріѣхалъ попечитель,
И тотчасъ цѣлый залъ
Объ этомъ зашепталъ.
Начальница поспѣшно
Навстрѣчу проплыла,
Глядясь во всѣ, конечно,
Гдѣ можно, зеркала.
Зажгли тревожно елку,
Пропѣлъ «Коль славенъ» хоръ,
«Красавицу креолку»
Вдругъ заигралъ таперъ.
И дочки мѣшковато,
Но не жалѣя ногъ,

Плясали Хіавато
Подъ этотъ кэкъ-уокъ.
Потомъ стихи читали
«Уху» и «Стрекозу»,
Какъ «Дѣвушки гадали»,
Еще «Люблю грозу».
Потомъ пошли картины
Живыя: «Дѣдъ морозъ»,
«У киски именины»,
«Любовь» и «Фея розъ».
Затѣмъ поили чаемъ.
Рѣзвилась дѣтвора.
Но мы сейчасъ кончаемъ
Затѣмъ, что ужъ пора.
Не знаю, какъ все было,
Но попечитель самъ
Сказалъ, что было мило
И очень мило тамъ.

БАЗАРЪ.

Весна Москвой играетъ,
То ласкова, то зла,
Цѣлуетъ и ласкаетъ,
Голубитъ купола.
И радостные льются
Изъ полной сулеи,
Рокочутъ и смѣются
Весенніе ручьи.
Вонъ тамъ, внизу, у моста,
Тамъ, вдоль Москвы-рѣки,
Что лѣтняя береста,
Бѣлѣются ларьки.
Базаръ! Какой не знаю,
Но мнѣ родной и свой,
Отъ краю и до краю
Запруженный толпой.

Узорными цвѣтами
Пестрятъ, горятъ платки,
Снуютъ надъ головами
Проворные лотки.
Остатки льда и снѣгу
Раскисли отъ ходьбы,
Вонъ привезли телѣгу,
А въ ней одни грибы.
Все время безъ запинки,
Влюбленный въ свой-же крикъ,
«Сарпинки! Эй, сарпинки!»
Оретъ сѣдой мужикъ.
Держа въ рукахъ подолы,
Толпятся стаи бабъ,
Ихъ духъ весной веселой
И похотливъ, и слабъ.
Вотъ, веселъ, пьянъ и молодъ,
Идетъ-бредетъ гулякъ,
Бумажный розанъ вколотъ
Въ его рябой армякъ.
«Эй! барышни-касатки,
Ужель я нехорошъ?
Поставлю безъ оглядки
Ребромъ послѣднiй грошъ».
Блестятъ на солнцѣ зубы
У дѣвушекъ и бабъ:
Имъ смѣхъ и удаль любы,—
Любая обняла-бъ.
Шумитъ, кричитъ, стрекочетъ,
Гудитъ, цвѣтетъ базаръ,

Поетъ и лясы точитъ
И пьяный вьетъ угаръ.
А солнце, голубь ясный,
Голубитъ съ высоты
И этотъ рокотъ красный,
И крыши, и кресты.

ПАСХА ВЪ ТОМСКѢ.

Солнце красное хохочетъ—
Радо завтрашней веснѣ.
Каждый колоколъ хлопочетъ,
Каждый колоколъ лопочетъ
Въ золоченой вышинѣ:
    Ухъ, мятели
    Улетѣли!
    Не скупись, Весна,
    Расцвѣтай, ясна,
    Растопи снѣга,
    Переполни берега:
    Тутъ, тамъ,
    Тутъ, тамъ,
    Прокатись по лѣсамъ
    Зеленымъ клубочкомъ,
    Медомъ смажь по цвѣтамъ,

По дебелымъ почкамъ.
Пѣвчихъ птичекъ—
Невеличекъ
Разбуди, пришли
Изъ-за тридевять земли,
Чтобы были,
Не забыли,
Къ намъ.
У воротъ на красной лавкѣ
Три красавицы сидятъ.
На груди у нихъ булавки
Бирюзовыя горятъ.
Пальцы въ кольцахъ, алы губки,
Щечки стиснуты платкомъ.
Накрахмаленныя юбки
Такъ и дыбятся горбомъ.
Не спѣша, что толку въ спѣшкѣ,—
Нынче праздникъ, Божій день,—
Имъ кедровые орѣшки
Щелкать, чмокая, не лѣнь.
Тамъ, за площадью, за Томью,
Гдѣ синѣется тайга,
Манятъ къ волѣ и бездомью
Запаздалые снѣга.
И тоска проснулась въ дамахъ:
Что-жъ такого, что съ утра
Ходятъ мимо все въ азямахъ
Новыхъ парни, кучера?
Скажетъ кто: «Христосъ Воскресе»,
Похристосуются съ нимъ

И опять на дальнемъ лѣсѣ
Станутъ взоромъ голубымъ.
Не понять имъ, что такое—
Имъ и больно, и легко...
Голубь-солнце золотое
Высоко такъ, высоко...
Дамъ лучи его щекочутъ,
Жгутъ и колютъ—не со зла...
И хлопочутъ, и лопочутъ
Вдалекѣ колокола.

ПАСХАЛЬНЫЯ КАРУСЕЛИ.

Солнце колется сегодня,
Колокольни высоки,
А въ колоколахъ свободнѣй
Вьются, бьются языки.
Не уйти, вездѣ догонитъ
Красный страстный перезвонъ,
Щеку тронетъ и утонетъ
Въ синевѣ, гдѣ небосклонъ.
Всюду разлитъ трепетъ ясный,
Далеко ушла зима,
Лица радостны и красны,
Подрумянились дома...

. . . .

Только я душою блеклой
Нынче мраченъ и угрюмъ...
Вонъ, въ воротахъ съ толстой Ѳеклой

Похристосовался кумъ.
Смачно чмокаютъ ихъ губы,
Насчиталъ я до шести,
Отчего-бы, почему-бы
Къ нимъ и мнѣ не подойти?
Нѣтъ, не въ силахъ, слишкомъ стыдно;
Скажутъ: я сошелъ съ ума.
Какъ обидно, какъ завидно—
Я не кумъ и не кума!
Эхъ, пойду на карусели!
Что сидѣть глядѣть въ окно?
Нѣту дѣла, нѣту цѣли,
Ну такъ что-же? Все равно!..

. . . .

Спины радостно толпятся,
Жмутъ бока и давятъ грудь.
Ни за что не протолкаться
Какъ-нибудь къ чему-нибудь.
Вонъ, въ зелененькомъ платочкѣ
Бродитъ баба, дня яснѣй,
Я за ней, и въ уголочкѣ
Похристосовался съ ней.
Опоила приворотомъ,
На качели съ ней полѣзъ.
Ну, какъ хлопнемся? Чего тамъ!
Все равно! Христосъ Воскресъ!
Вся тоска моя пропала,
Растеклась въ сіяньи дня,
Замотало, закачало,
Затрезвонило меня.

Все равно! Валяй, Емеля!
Закусилъ я удила.
Больше, больше въ душу хмеля
Лейте вы, колокола.
Шире грудь открою пѣснямъ,
Размахнитесь до небесъ.
Все равно умремъ—воскреснемъ,
Все равно—Христосъ Воскресъ!

СЛОБОДА.

Въ слободѣ подъ обрывомъ,
Въ домикѣ маленькомъ
Живетъ старушенка.
Домиковъ много...
И вездѣ по заваленкамъ,
По вечерамъ сиротливымъ,
Пріютившись убого,
Сидятъ старушенки
Сиры да тонки.
И моя тоже сидѣла,
Сидѣла, на прохожихъ глядѣла.
Идетъ по улицѣ курица—
Грязь помѣситъ, помѣситъ,
Голову свѣситъ,
Прищурится,
Клювомъ-то хлопнетъ,

Ножкой-то топнетъ
И пойдетъ-побѣжитъ,
Хвостомъ вертитъ.
Сидитъ старушенка
Покачивается—
Ко сну клонитъ.
Въ теплый платокъ заворачивается,
Нѣтъ, нѣтъ да уронитъ
Голову на бокъ—
Родъ-то старушечій зябокъ.
А сторонкой,
Безъ проволочки,
Къ старухиной дочкѣ
Пробирается милой,
Милой,—удалой...
На немъ красная рубаха,
Штаны писаны зміёмъ:
Выходи скорѣй, Натаха,
Не съ пустымъ карманомъ ждемъ —
Жамочки да сѣмячки,
Пряники, стручечки—
Лущи, коли времячко,
Цѣлуй меня въ щечки
И въ темячко...

ХРИЗАНТЕМЫ.

У Жени на окнѣ,
Въ умывальномъ кувшинѣ,
Возлѣ пудры и помады,
Старыхъ локоновъ и шпилекъ
Гордо высятся цвѣты—
Хризантемы.
За окномъ заглохшій дворъ.
На дворѣ ужасно рады
Двѣ жестянки изъ-подъ килекъ,
Что среди нечистоты
И богемы
Видитъ ихъ столь пышный взоръ.
Присмотрѣвшись, мы замѣтимъ,
Что они гордятся этимъ.
Да оно не мудрено,—
Вѣдь не всякое окно
На себѣ, хотя-бъ для темы,
Сохраняетъ хризантемы.

КОНСЕРВАТОРКА.

За стѣной консерваторка
Цѣлый день все гаммы воетъ.
Не уйти отъ этихъ криковъ
Ни за что.
Отъ ея стараній лютыхъ
Ахъ!.. не только уши вянутъ—
Вянутъ розы, даже розы
Въ кувшинѣ.
А портретъ моей любимой
Въ рамкѣ краснаго сафьяна
Покосился, проситъ, молитъ:
Помоги!
Смотритъ солнце, щуритъ солнце
Въ запотѣвшее окошко
Взоръ свой длинный, блѣдный, зимній...
Я одинъ!

О, любимая, не бойся!
Пусть отъ гаммъ консерваторки
Вянутъ уши, вянутъ розы,—
Но тебя
Я спасу отъ этой пытки:
Твой портретъ въ сафьянной рамѣ
Я лицомъ къ любимой стѣнкѣ
Поверну.
И, покончивъ съ этимъ дѣломъ,
Успокоюсь и промолвлю:
«Пусть кричитъ теперь—мнѣ, право,
Все равно!»

С Ъ   Г О Р Ы.

Бѣлы пруды на солнцѣ яркомъ.
Сквозь рѣдкій частоколъ стволовъ
Идемъ вдвоемъ озябшимъ паркомъ
Подъ рокотъ связанныхъ коньковъ.
Сугробы по бокамъ дорожки
Пышны, пушисты и мягки.
Рисуютъ черной тѣнью рожки
На нихъ опавшіе сучки,
Подолъ твоей любимой шубки
Снѣжинками посеребренъ,
Смѣются радостныя губки,
И смѣхъ ихъ солнцемъ озаренъ.
И такъ забавно, точно мышки,
Снуютъ носки твоихъ калошъ...
Безъ отдыха, безъ передышки
Ликуешь, любишь и идешь.

Вотъ пришли. Гора большая—
Вышка красная, рѣзная,
А на ней задорный флагъ.
Не спѣши! Ступеньки круты—
Осторожнѣй! Фу-ты, ну-ты,
Не спѣши! Замедли шагъ!
Санки ждутъ. Что конь въ испугѣ,
Не стоятъ, что лукъ упруги,
Рвутся въ омутъ головой.
Сѣли. Санки подтолкнули,
Полетѣли, потонули,
Захлебнулись синевой!
Докатили. Снова лѣземъ
По ступенькамъ. Любимъ, грезимъ
Веселѣй и бойче всѣхъ.
Снова внизъ. Попало что-то
У второго поворота
Подъ полозья. Ухъ! И въ снѣгъ...
Идемъ домой озябшимъ паркомъ
Сквозь рѣдкій частоколъ стволовъ.
Бѣлы пруды на солнцѣ яркомъ,
Но намъ совсѣмъ не до прудовъ.
Болятъ царапины до дрожи,
То обернешься, то вздохнешь,
И ужъ на мышекъ не похожи
Носки мелькающихъ калошъ.

НА КОЛОКОЛЬНѢ ИВАНА ВЕЛИКАГО.

...Сначала сторожъ предлагалъ намъ виды
Москвы, Кремля и Воробьевыхъ горъ
И взялъ двугривенный не безъ обиды,
Потомъ открылъ заржавленный запоръ
И показалъ на лѣстницу. Пахнула
Сырая мгла, но мы, наперекоръ
Стихіямъ, шли впередъ. Вотъ потонула
Спина Ре-Ми и бѣлое кашнэ
Его послѣдній разъ мнѣ подмигнуло.
Идемъ, идемъ! Чѣмъ ближе къ вышинѣ,
Тѣмъ раздается гульче звонъ ступеней,
И ближе придвигается ко мнѣ
Калоша спутника. Я восхожденій,
Подобныхъ этому, не совершалъ,
И ужасъ чувствую я въ каждой венѣ.

Но вотъ вдали лучъ свѣта замерцалъ,—
Изъ раковины лѣстницы мы вышли
На верхній ярусъ. Боже мой, какъ малъ
Внизу какой-то домъ! Вонъ пара въ дышлѣ
Какъ два мышенка! Вонъ автомобиль—
Коробки спичечной не болѣе... Не спишь-ли
Ты, легкомысленный поэтъ? Твои-ль
Глаза все это въявь, всерьезъ узнали?
Себя спросилъ я самъ. Но этотъ стиль
Восторженной, лирической печали
Мнѣ быстро надоѣлъ, и я вперилъ
Свой взоръ въ весеннія, святыя дали.
Такъ я стоялъ у каменныхъ перилъ,
Воздвигнутыхъ Борисомъ Годуновымъ,
И ангельскихъ, казалось, шорохъ крылъ
Ловилъ и трепетно внималъ ихъ зовамъ.
И былъ такъ счастливъ духомъ, такъ высокъ,
Какъ самъ Иванъ Великій. Но къ оковамъ
Земли меня вернулъ коварный рокъ.
Мнѣ что-то на носъ капнуло. Сначала
Мнѣ это что-то было невдомекъ,
Но черезъ мигъ мнѣ все ужъ ясно стало,
И, отвлеченный милымъ голубкомъ,
Съ высокаго упалъ я пьедестала.
И сталъ внимательнѣй. О, Господи, въ какомъ
Я мѣстѣ? Всюду, всюду, всюду, всюду,
Куда ни глянь, ножомъ и уголькомъ,
И шпилькой, и ужъ чѣмъ, рѣшать не буду,
Написаны обрывки словъ и фразъ.
Семенъ Петровъ здѣсь обнималъ Гертруду.

Былъ Августъ Шмидтъ и Финиковъ Тарасъ,
Здѣсь апельсины ѣла Евдокія,
А Кока съ Маней пили бѣлый квасъ
    И про любовь шептались. О, какія
    Рисунки здѣсь! И сердце, и стрѣла,
    И ножка чья-то, и тѣла нагія!..
Меня досада углемъ обожгла...
Я поглядѣлъ на профиль незнакомкинъ,
Взялъ карандашъ и написалъ со зла:
    «Такого-то числа здѣсь былъ Потемкинъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ЖЕНИНА ГЕРАНЬ.

Коломбинина мансарда 9
Черная Молли 11
Да или нѣтъ 13
Двѣ собаки грызутся 15
Размышленія послѣ бала 17
Ошибка 18

ГЕРАНЬ СТЫДЛИВАЯ.

Качайся плавкая волна 23
Я люблю и пою 24
Майская встрѣча 25
1) Стукъ пролетки 25
2) Вотъ пришла 26
3) Гранитъ, усыпанный пескомъ 27
4) Отъ нихъ возвращаясь 28
5) Кто разсыпалъ лепестки 29
Въ вагонѣ 30
Невольница сѣрыхъ и сѣверныхъ дней 31
Сонетъ 32
Двойникъ 33
Сѣверный монастырь 35
Элегія 37
Totentanz 38
Комната 39
1) Лампа 39
2) Китайскій болванчикъ 40
3) Портретъ красавицы тетки 42
4) Обойный цвѣточекъ 44

стр.

ГЕРАНЬ МИШУРНАЯ.

Маскарадъ 49
1) Посвященіе 49
2) Вступленіе 50
3) Арлекинъ и Негритянка 51
4) Сановникъ и Веселая Дѣвица 53
5) Паша и Карменъ 55
6) Апашъ и актриса 56
7) Пажъ и графиня 58
8) Индюкъ и Японецъ 60
9) Философъ и Рабыня 62
10) Бандитъ и двѣ Гишпанки 63
11) Ванька клюшникъ и Египтянка 64
12) Воинъ и Морская Царевна 66
13) Испанецъ и Кореецъ 67
14) Майоръ и княгиня Лиговская 68
15) Заключеніе 70
Я неустойчивый, я шаткій 71
Мужъ русалокъ 73

ГЕРАНЬ ПЕЧАЛЬНАЯ.

Любовь 79
Вѣтеръ, бѣлый вѣтеръ моря 80
Зохна 81
Фіалкѣ 83
Весна 85
Лебяжья канавка 86
Понедѣльникъ 88
Весна. Передъ тѣмъ какъ быть бѣдѣ 89
Въ Буффѣ 91
Застрѣлилась, а смѣется 92
Мой осенній, золотой 93
Недопитый бокалъ 94

ГЕРАНЬ ПЕРСИДСКАЯ.

Три газеллы 97
1) Не ходи мой другъ 97
2) Зрѣютъ нивы 98
3) Мѣсяцъ на небѣ потухъ 99
Садъ лунныхъ причудъ 100
1) Абу Новасъ о Зулейкѣ 100
2) Рустанъ о Зулейкѣ 101
3) Завѣтъ Абу-Новаса 102

стр.
4) Зулейка плачетъ 103
5) Рустанъ рыдаетъ 104

ГЕРАНЬ ПѢСЕЛЬНАЯ.

Въ ожиданіи 107
Красная кофта 109
По грибы 111
Александровскій садъ 113
1) Встрѣча 113
2) Любовь 115
3) Измѣнилъ 117
4) Бросилъ 119
Пѣсня. Проще, равномѣрнѣе 121
Пѣсня. Въ зеленый цвѣтъ окрашена 122
Пѣсня. У моей подружки Кати 123
Влюбленный парикмахеръ 125
Пѣсни Акулины 127
1) Въ Петербургѣ жилъ купецъ 127
2) Мнѣ милый далъ цвѣточекъ 128

ГЕРАНЬ ВЪ ЦВѢТУ.

Женихъ 131
У дворца 133
Лихачъ 135
Добродѣтель торжествуетъ 137
Въ лѣтнемъ саду 139
Обыкновенно 141
Секретарь профессора 143
Семейство 145
Мщеніе 147
Таперъ 149
Дирижеръ 151
Мирное житіе 153
Сосѣдство 155
Мужъ 158
Леля 160
Каллистратъ 163
Рыболовъ 166
«Не форси, форсунъ паршивый» 169
Дачный воздухъ 171
Увеселительный садъ 172
Жара 173
Безвыходное положеніе 175

стр.

Мальченка 177
Въ паркѣ 179
На балъ 180
Елка 183
Базаръ 186
Пасха въ Омскѣ 189
Пасхальныя карусели 192
Слобода 195
Хризантемы 197
Консерваторка 198
Съ горы 200
На колокольнѣ Ивана Великаго 202

